

Рабы праведности

Глава 1. Муки следователя	2
Глава 2. Бешеный пёс	7
Глава 3. Квазимода.....	13
Глава 4. Лазарь.....	17
Глава 5. Обычная бабища.....	26
Глава 6. Свободный человек	31
Глава 7. Галоперидол.....	38
Глава 8. Спаситель	45

Глава 1. Муки следователя

Неторопливые ноты Арии из сюиты №3 Баха наполняли холостяцкую квартиру следователя межрайонного следственного отдела Максима Дмитриевича Нагатина. Сидя в кресле, напротив выключенного телевизора, он музицировал, держа в левой руке бокал с виски, а в правой сигарету. Погружаясь в музыку, Нагатин отвлекался лишь на то, чтобы стряхнуть пепел, после чего предавался упоительному единению с восхитительной мелодией. Ему хотелось напевать и повторять каждый звук, удаляясь всё дальше и дальше от одинокой и бессмысленной брэнности, которая окружала его последний месяц. Сливаясь с божественной гармонией звуков, он «скатывался» по нотному стану в недавнее прошлое: где не было места одиночеству, где был слышен голос любимой, туда, где жизнь захлёбывалась смыслом.

Нагатин допил бокал и незамедлительно наполнил новый. Откинувшись в кресле, он увидел отражение Зои в безмолвном глянце телевизора и, закрывая глаза, почувствовал её нежные руки на своих плечах. Она склонилась над ним и локоны её густых волос упали ему на лицо. Он обнял её за шею и нежно поцеловал, глубоко вдыхая её аромат и чувствуя пленительную влажность её губ...

Открыв глаза Максим, встряхнул головой и, пытаясь освободиться от видения, потёр ладонями лицо. На столике рядом с бутылкой и пепельницей лежал смятый листок бумаги – квитанция абонентской платы за телефон, в которой сухой строчкой был отпечатан его последний звонок Зое. Нагатин взял в руки квитанцию и нервно засмеялся.

Боль мучительных воспоминаний сдавила Нагатинову грудь и он, уже вошедшим в привычку движением левой руки, схватился за опустошённое сердце. Боль отступила и Максим протолкнул внутрь себя, застрявший в горле «ком» обиды, новой порцией виски.

Каждую следующую композицию диска он помнит до последней ноты. Максим уже знает, что случится дальше и пытается удержаться от «срыва» в минорной тональности, который неминуемо случается с первыми звуками «Лунной сонаты» Бетховена, а именно она и последует сразу после Баха. Решив остановиться, Нагатин выключил музыку. Ария покорно умолкает, лишь отчасти ослабив его переживания. В комнате стало тихо, но уже через мгновение, оборванный финал музыкальной композиции, продолжил надрывный звон в дверь.

- Макс, ты чего, прячешься что ли? Я к тебе уже второй раз захожу, - с порога начал, улыбающийся сосед и бывший сослуживец Нагатина Анатолий Рябков.

- Толя, привет. Извини, не расслышал! Проходи, – опуская покрасневшие глаза, ответил Нагатин.

Рябков «по-хозяйски» прошёл в прокуренную комнату, оставив Максима в коридоре. Осмотревшись, он обратил внимание на пустые стены комнаты и отсутствие на них фотографий Максима и Зои.

- А мы только вчера ночью из Турции прилетели, - сообщил Рябков, остановив свой взгляд на бутылке виски, стоящей на журнальном столике.

- Будешь? – Нагатин уловил «позывы» соседа и достал из серванта чистый бокал.

- Давай, - Рябков взял бокал и, налив виски, сразу выпил его. За первым бокалом немедленно последовал второй. – Классный вискарь не то, что у турок. Тьфу! Шнягу какую-то палёную разливают, пить невозможно. Я раз с одним мужичком из Кемерово перебрал, так потом весь день в номере провалялся. Что с ним было, даже не знаю. Представляешь! Это считай пятнадцать тысяч рублей на ветер.
- Представляю, - чуть слышно произнёс Нагатин.
- Слушай, ты чего такой хмурый то? – бодрым голосом спросил Рябков, прохаживаясь по комнате.
- Ничего, - «отрезал» Нагатин.
- Из-за Зойки что ли? Я уж думал, что вернусь, а ты с новой подружкой кувыркаешься. – Рябков нарочито засмеялся и продолжил в той же «весёлой» манере. - Хочешь, я тебя с Веркой Андреевой, Риткиной подружкой познакомлю?
- Зачем?
- Да ты что! Девка класс! Правда, немного в теле, но аппетитная... блин слов нет. - Рябков усмехнулся. – А что? Живёт одна и по возрасту тебе подходит. Ей сколько там... тридцать пять, кажется, всего год разницы, самое оно. Томится девка одна, пропадает.
- Какая девка! О чём ты? - Нагатин, сморщившись, выпил виски, и потянулся к сигаретам. – Спасибо, но мне сейчас не до подружек твоей Ритки.
- Ладно, - Рябков растерял недавний оптимизм и стал серьёзным. – Макс, извини.
- Проехали. – Максим безразлично махнул рукой сидя в кресле.
- Ты ей хоть звонил?
- Звонил, - Нагатин взял с журнального столика квитанцию и молча сунул её Рябкову в руки. – Вот, видишь, счёт пришёл.
- Чего это ты вдруг с городского звонил? – спросил Рябков, пытаясь разобраться с мятой квитанцией.
- Да, она на мой мобильник не отвечала. - Максим монотонно продолжил, рассматривая бокал в собственных руках. - Последний звонок пятого августа, почти месяц назад. Длительность две минуты ноль семь секунд. Стоимость два рубля двадцать две копейки. Вот и вся любовь за два рубля и двадцать две копейки.
- Что она сказала?
- Не звони, не пиши и не ищи меня никогда.
- И всё?
- Нет, ещё полторы минуты мои «сопли» послушала и отключилась, - Максим не отводил глаз от бокала. – Всего две минуты ноль семь секунд...
- Может, тебе съездить к ней, поговорить...
- Шутишь! О чём? О чём я могу с ней поговорить, если и так всё ясно.
- Слушай, ну не может же она вот так взять и пропасть.
- Она и не пропала. Она вернулась к своему бывшему мужу, - Максим улыбнулся.
- К Мишке! – Воскликнул Рябков и остановился возле рабочего стола Максима на котором стоял монитор компьютера. Прищурившись, он прочитал надпись в пустом поле почтового сервера «В папке «Входящие» нет писем». Переведя взгляд на навигацию по сайту, ему сразу попала на глаза цифра 11, соответствующая количеству отправленных Нагатиным писем. Рябков не подал вида и задал вопрос в продолжение разговора. – А ты как узнал?
- Витька Заболоцкий сказал. Он их вместе в ресторане видел.
- Н-да, - протянул Рябков. – Макс я с Зойкой с первого класса знаком. И с Мишкой она, действительно, уже в школе «крутила». Я же много раз тебе об этом говорил.
- Ну и что?
- Да то, что она его всегда любила. Слушай, извини, но если она так поступила с тобой, то... в общем всё понятно.
- Что понятно? – громко спросил Нагатин.

- Что ты заладил: что, что? Да то... то, что они тогда разбежались и она ему назло с тобой роман завела. Год тебя промурыжила и как только Мишка её обратно пальцем поманил, так она к нему и вернулась! Обычная бабища, что ты от неё ждёшь Макс? Ей Богу, не пойму! Ведёшь себя как пацан! – Рябков ещё подлил виски и «разошёлся» не на шутку. – Сидишь, страдаешь, а ей всё похеру. Она уже и забыла, кто такой Нагатин Максим Дмитриевич.

- Хватит! – крикнул Нагатин и резким движением поставил пустой бокал на журнальный столик. – Откуда ты знаешь, что она за человек? Ты жил с ней? Вспомнил, школу! Ты сам-то помнишь, чем в школе занимался? Ритку, что ли свою любил?

- Не заводись! Макс мы знаем друг друга всю жизнь и я просто хочу тебе помочь, поддержать тебя!

- Ага... - ответил Нагатин. – Много вас вдруг друзей развелось. Хочешь помочь так сиди и молчи... или вон пей. Что ты мне в душу лезешь!? Без тебя тошно.

Рябков не решился продолжать разговор, видя состояние Нагатина. Друзья замолчали, размышляя об услышанном и сказанном. Анатолий окинул комнату суетливым взглядом, словно пытался зацепиться за что-то, позволяющее ему перевести беседу в другое «русло». На глаза ему попала небольшая пробковая доска, на которой были приколоты вырезки из газет и небольшие заметки со статьями новостных интернет сайтов.

- Макс, ты реально в депрессняк себя загонишь. Это не выход. – Рябков подошёл к доске. - Слушай, а ты же вроде собирался к брату съездить, отвлечься. Не получилось? – Рябков намеренно не стал продолжать разговор о Зое и налив ещё бокал вернулся к доске.

- Нет, не получилось, - холодно ответил Максим, - принял тут одно дело в работу и застрял в конторе.

- Что за дело?

- Вот это дело, - Нагатин кивнул в сторону пробковой доски и собранных им описаний преступления, которые просочились в прессу. – Мужик один приревновал свою возлюбленную и пристрелил её любовника. Как только его порешил, так за подружку принялся. Ранил в плечо и себе в голову выстрелил.

- Ничего себе Шекспир? - пошутил Рябков, обрадовавшись неожиданно возникшему продолжению разговора. – И чем всё кончилось?

- Любовник, - произнёс Максим задумчиво, – хотя, знаешь, там уже хрен разберёшь: кто кому любовником был?

- В каком смысле?

- Замятин, стрелок, сам был женат. Только, кажется, с женой года четыре не жил... или жил... хрен знает, не помню, я ещё только знакомлюсь с материалами.

- Ничего, продолжай.

- В общем, Замятин этот свалил с дежурки в ОВД и помчался к «любимой».

- Да он ещё и мент! Вот это сюжетец!

- Ага, - невнятно буркнул Нагати и продолжил. - Приехал, увидел «сцену» и открыл пальбу. Потерпевшая Анастасия - одинокая баба с ребёнком инвалидом. Итог: любовник труп, у неё ранение, Замятин жив.

- Жив?! – удивился Рябков и что-то бубня себе под нос, вновь обратился к вырезкам на доске, бегло вчитываясь в текст одной из статей. – О! Смотри-ка, Мещерский!

- Что?

- Я говорю опять этот Мещерский.

- Что Мещерский? Что значит опять?

- Помнишь, я как-то вел одно мутное дело по «чёрным» риэлторам. Там ещё два мужика сгинули, - Рябков задумался, - да точно, оба трупаки. Один с сердечным приступом, а другой повесился...

- Ну, может быть... не помню, а Мещерский то тут причём?
- Докладываю. В 2006-ом поступила «заява» от родственников двух алкашей, типа в их квартирах чужие люди живут, а хозяева исчезли. Стал выяснять, что к чему. Новые хозяева предъявили договоры купли-продажи квартир. Квартиры были проданы им другими людьми, то есть не теми алкашами, которые там жили по заявлению родственников, а двумя совершенно другими мужиками. Навели справки по этим продавцам. Оказалось, что один медбрат, а другой санитар из районной психушки! Прикинь!
- Нормально. – Нагатин оживился и внимательно слушал Рябкова.
- Дальше-больше. Буквально за месяц до этой сделки, каждый из них приобрёл квартиры соответственно у пропавших алкашей, причём все документы были подписаны самими владельцами и юридически правильно оформлены. Вот тут я и застрял, - Рябков некоторое время вспоминал хронологию дела. – Потом я стал крутить нотариуса с которым, видимо, и был завязан этот Мещерский. Сука, мерзкий он всё же тип...
- Максим подошёл к Рябкову и тот ткнул пальцем в заметку о состоянии здоровья Замятина, в которой с корреспондентом вёл беседу заведующий судебно-психиатрическим отделением городского психоневрологического диспансера Мещерский А.П.
- Почему «видимо»? – спросил Нагатин, отступив от доски.
- Знаешь, этот санитар и медбрат оказались такими дебилами, что организовать такую схему не могли. Самое интересное, что в психушке они значились в отделении, где заведующим был Мещерский.
- А куда эти алкаши то пропали?
- Хороший вопрос. Ты сам как думаешь?
- Не томи, говори.
- Они в этом же отделении лежали с «белочкой» или как там правильно... с алкогольным делирием! О! Точно. – Рябков улыбнулся, заметив, как «расшевелил» Максима. - Более того, на момент оформления квартир оба синяка уже были в психушке, - Рябков посмотрел на Максима. – Вот тогда и стало понятно, что этими идиотами кто-то управлял. Я вышел на Мещерского. Как только прижал его, сразу оба потерпевших Богу душу отдали с разницей в несколько дней.
- Ты думаешь, он был замешан? – серьёзно спросил Максим.
- Не знаю. Думай что хочешь, но посадили только его работников, а он вышел сухим из воды.
- Как это? – удивился Максим.
- Может запугал их, может ещё что-нибудь... алкаши то сгинули, возможно, он к этому руку приложил, а «работнички» его испугались. Им по три года общего режима дали за мошенничество, а прямых доказательств вины этого Мещерского найти удалось.
- И что с ним?
- А что с ним? С ним ничего. Они же взяли всё на себя, а он развёл руками и извинился за них. Собственно, вот и всё... а, постой, вру. Ему, кажется, «выговорешник» за отсутствие дисциплины вlepили. – Рябков присел на кресло. – В принципе, в твоём деле он не фигурирует, но если хочешь, то нервишки ему можешь потрепать. Замятин твой, кстати, что в психушке делает? На экспертизе?
- Да.
- Не парься.
- Да я и не парюсь. У меня на днях с ним встреча. - Максим задумался.
- С кем? – уточнил Рябков.
- Да и с тем и с другим. – Максим прошёлся по комнате. – Замятин половину лица себе снёс. Два месяца между жизнью и смертью болтался.

- Вообще удивительно, что он жив остался?
- Ага, мне и самому удивительно. Я понадеялся, что он помрёт и делу конец, а всё, видишь, как обернулось. - Максим налил алкоголь в свой бокал. – Стрелял через подбородок. Испугался, наверное, и в последнее мгновение дёрнул руку. Там и выяснять то нечего. Тут любой участковый разобрался бы, но видишь огнестрел, да ещё Замятин этот мент... в общем сам понимаешь.
- Ну, ты подожди не торопись, - серьёзно сказал Рябков. – Может там и бабёнка поучаствовала. Все эти шекспировские страсти на пустом месте не рождаются. Чего она вдруг любовника то завела? Потом странно, что любовника Замятин завалил, а её ранил. Да как вообще себе в башку можно несколько раз выстрелить. Макс, мутное дело, чувствую, мутное.
- Толя, мне кажется, ты пытаешься искать черную кошку в темной комнате...
- Когда её там нет, - улыбнулся Анатолий. – Ты это хотел сказать?
- В целом да.
- Ну, смотри, тебе искать.
- Не буду я ничего искать. Если бы он умер в больнице, я и дело бы уже закончил и к брату уже уехал бы в отпуск, а теперь...
- А что, кроме тебя некому что ли поручить?
- Да о чём ты говоришь, Толя! Ты уже забыл, где работал? Это тебе не ЧОП, - лицо Нагатина исказилось. - Кто там теперь «может»? Один молодняк.
- Сколько же ты будешь с ним возиться?
- Не знаю. Надеюсь не долго. Уехать мне надо, не могу я здесь больше оставаться...
- Нагатин осекся, не желая заново «плакаться» Рябкову. - Стрелку этому сейчас операцию сделали и он, вроде как на поправку пошел, только одна проблема осталась.
- Какая? – Рябков удивился неожиданному смеху Нагатина.
- Будешь смеяться, у него память отшибло. Придётся повозиться. Через пару дней поеду больницу, допрашивать этого бедолагу, - с последним словом Нагатин улыбнулся. – Отелло блин, свалился мне на голову...
- Рябков, чувствуя, что дальнейшее распитие алкоголя может ему вылиться в крупные семейные проблемы и решил ретироваться.
- Макс, я пойду, а то мне Ритка вставит.
- Давай. – Нагатин пожал Рябкову руки и проводил до двери.
- Макс, ты Зою забудь. Ушла и ушла. Может это и к лучшему, - Рябков странно ухмыльнулся и спросил. - А ты знаешь, что означает имя Зоя?
- Нет, - Максим удивился и многозначительно посмотрел на стоящего в дверях Рябкова. – А что оно значит?
- Ничего, забудь.- Рябков на мгновение замялся, как это случается с человеком, сказавшим что-то неуместное. – Извини, я пойду...
- Оставшись один, Нагатин вернулся в комнату и ещё раз проверил электронную почту. Убедившись в отсутствии входящих писем, он сел в кресло и откинул хмельную голову, пытаясь сосредоточиться на деле ревнивого стрелка. Мысли не вязались и возвращали его к переживаниям связанным с Зоей. Максим вновь мучительно вспомнил образ любимой, но усталость от постоянного, непрекращающегося нервного напряжения, взяла своё и Нагатин заснул, даже не представляя какие испытания ему уготовила судьба в самые ближайшие дни...

Глава 2. Бешеный пёс

Утро Максима Нагатина, начиналось в шесть часов. Привычка вставать рано появилась у него в дни совместного проживания с Зоей и сохранилась по сей день, хотя в этом уже не было никакого смысла. Тем не менее, Максим всякий раз просыпался ни свет ни заря, продолжая инертно существовать в ушедшем мире, где к шести тридцати он варил кофе на двоих.

Почти каждое утро их совместной жизни он пытался сделать незабываемым, стараясь что-нибудь приготовить для Зои: делал хрустящие тосты и быстро жарил глазунью, разогревал круассаны и приносил их с её любимым вишнёвым вареньем, совершая ещё много тех милых мелочей, что составляют утро любящего человека.

Максим с умилением преподносил Зое неожиданные подарки и сюрпризы. Иногда, он накануне прятал на балконе цветы, а с утра появлялся в спальне с едва распустившимся букетом влажных и душистых роз. Если же он что-то дарил, то устраивал настоящий спектакль в финале которого неожиданно «находился» подарок. Однажды он разыграл «скандал», обнаружив в мойке новый iPhone. Зоя бросилась на кухню и уже через мгновение оказалась в объятиях смеющегося Максима, поняв, что телефон предназначался ей, а «история» с раковиной – розыгрыш.

В выходные дни он никогда не будил Зою и, просыпаясь раньше, садился на край кровати, восхищаясь её нежной и беззащитной негой. Максим, едва дотрагиваясь, прикасался к ней, чувствуя подушечками пальцев, спящую истому её манящего тела. Чувство бесконечной любви поглощало его в эти мгновения и он, теряя реальность, не мог уже оторваться от созерцания возлюбленной до её пробуждения.

- Я никогда, слышишь, никогда и никому тебя не отдам, любимая моя, - нащёпывал Максим. – Клянусь, никто и ничто не отнимет тебя у меня... я убью любого, кто попытается это сделать, любимая моя.

Воспоминания обострялись с каждым днём, особенно сейчас, когда каждое сентябрьское утро Нагатина не содержало ни вдохновения, ни любви, ни нежности.

- Никто и ничто не отнимет тебя у меня, никто и ничто, кроме тебя самой. - Максим повторил пришедшие на память слова и болезненно усмехнулся, смотря в сырое осеннее окно, держа чашку растворимого кофе с молоком и дымящуюся сигарету.

Нагатин встречал утро с абсолютно непреодолимой опустошённостью и бездонным одиночеством, которое порождает в человеке самые страшные измышления о бессмысленности жизни, обесценивая и обесцвечивая её. Прожитые в таком состоянии дни, стирали в его представлении грани между настоящим и будущим, порой, уничтожая и прошлое, пусть даже некогда оно было наполнено счастьем и любовью.

Нагатин не мог справиться с натиском новых, неведомых ранее истин, которые перевернули в нём то «крепкое» мировоззрение, уверенность в котором была неизменной долгие годы. Остатки разума сопротивлялись ворвавшемуся в его жизнь хаосу чувств, но душевные переживания были настолько сильны и неудержимы, что Максим «сваливался» в омут раздиравших его противоречий уже неосознанно, будучи не в состоянии контролировать себя. Нагатин пытался остановиться в бесконечном, стремительном потоке самоистязания и безумной любви, который «накрыл» его с головой, но все его усилия оказывались тщетными и когда воспоминания о Зое захлёстывали его, он путался в противоречивых мыслях, каждая из которых требовала беспрекословного подчинения воспалённого разума. Растерзанная мучениями душа его металась, прячась от суровых истин одиночества, боясь признаться себе в самом главном - Зоя никогда больше не

появится в его жизни. Максим «бежал» от этого признания к умирающей надежде, последние дни которой беспощадно сокращал ползунок календаря.

- Всё, ничего уже не будет. Никогда ничего не будет, никогда. Ты должен это принять и смириться. Никогда и ничего. - Максим размышлял вслух так, словно в нём боролось несколько противоречивых сущностей. – Да и не было никогда ничего... совсем ничего. Понимаешь? Весь этот год – это сказка, которую ты придумал сам. Она никогда не любила тебя. Почему? Ты что ещё ничего не понял. Неужели ты на что-то надеешься... смешно! Просто смешно! Что она не могла ответить на твои письма? Ответить хоть одно слово. Нахрен ей это нужно, подумай... Если бы она любила тебя, то была бы сейчас с тобой, а не трахалась бы с ...

С последней мыслью Максим резко повернулся и, что есть силы, швырнул чашку в стену. Осколки от разбитой чашки разлетелись по всей кухне. Нагатин почувствовал самое унижительное бессилие, которое только и мог испытывать человек, находящийся в его положении.

- Я же люблю тебя! - Громко сказал Максим и вышел из кухни, наступая прямо на осколки. – Можно же было хоть слово ответить! Я ведь просил тебя ответь хотя бы одно слово! Блядь, с собаками так не обращаются!

Схватив портфель и ключи от машины, Нагатин вышел из квартиры, громко захлопнув дверь. Прогревая автомобиль, он ввёл в навигатор название посёлка, где находился дом Анастасии, включил радио. Максим закурил и, немного успокоившись, начал путь к месту трагедии.

Действия Замятина, который обвинялся в убийстве гражданина Авдеева К.П. и покушении на убийство гражданки Юсуповой А.А., квалифицировались несколькими частями 105-й статьи УК РФ и для Нагатина, как для опытного следователя, не представлялось сложным. Накануне Максим соврал Рябкову, намеренно показав своё безразличие в отношении исхода дела и главного обвиняемого Владимира Замятина. Судьба Владимира заинтересовала Нагатина и он даже в каком-то смысле сопереживал преступнику, отчасти понимая его действия. Максим, даже увидел или, точнее сказать, чувствовал, едва уловимую схожесть истории Замятина со своей жизненной ситуацией, хотя точек соприкосновения в их судьбах было немного. Максиму было важно понять ту «человеческую» сторону поступка Замятина, которая заставила его пойти на убийство.

«Любящий человек и вдруг измена, - размышлял Максим, управляя автомобилем, - измена как наказание... наказание за что? Ревность как слабость характера, неуверенность в себе, в конце концов, бессилие или наоборот, исток зарождающейся ненависти в отношении любимого человека. Какой же силы должна была быть любовь, если она породила такую ненависть и закончилась смертью».

Максим не хотел довольствоваться теми тривиальными объяснениями, которые лежали на поверхности. Ревность, измена были по его убеждению лишь финалом потери любви Владимира, а то, что Владимир любил и любил сильно, Нагатин не сомневался.

По дороге он вспоминал основные детали дела и протоколы показаний свидетелей, с которыми намеревался встретиться лично. И уже через сорок минут пути навигатор твёрдым женским голосом отрапортовал о прибытии в пункт назначения. Нагатин остановил автомобиль на обочине, возле небольшого кирпичного дома.

Максим не любил выезжать на места преступлений и, вообще, с определённой долей брезгливости относился к необходимости осмотра этих самых мест, считая это издержками профессии. Посещение моргов с опознаниями, изучение тел в момент обнаружения вызывали в нём отвращение, хотя за годы работы он привык уже ко многому.

Подойдя по заросшей дорожке к злосчастному и пустующему дому, он сразу почувствовал присутствие смерти, следы которой часто встречал. Это было угнетающее, необъяснимое и почти физическое чувство. Нагатин обошёл дом со всех сторон и убедился в том, что тот был наглухо закрыт. Другого он и не ждал, так как уже две его повестки канули «в никуда». «Скорее всего ребёнка сразу забрали родственники, - подумал Нагатин, пытаясь заглянуть в окно, - а Анастасия вернулась сюда после больницы не более чем на день и, собрав вещи, уехала к дочери. Значит, будем искать родню».

Нагатин обернулся и заметил, как из соседнего дома за ним кто-то наблюдает. Соседка, некоторое время безмолвно рассматривала в окно похождения следователя по заросшему травой участку, после чего не стерпела и, открыв форточку, заголосила на всю улицу. Максим представился и уже через пять минут сидел в тёплом уютном доме за чаем, сдобренным самыми невозможными сплетнями. Полная, пышущая энергией Лидия Петровна, женщина не старше пятидесяти лет, поведала следователю много интересных и важных фактов, дополнивших «человеческое» представление Нагатина о фигурантах дела.

- Ужасная какая история, - тараторила хозяйка, - а с виду нормальный вроде мужик был. И с домом ей помогал и по хозяйству, а дочь её как любил, ей Богу, как родную. - Обернувшись к образу в углу, она пугливо перекрестилась и налила вторую чашку чая Максиму. - Жили они с Владимиром душа в душу. Вот с полгода назад она приходила ко мне и всё рассказывала, как представляла ихнюю свадьбу. Потом, правда, уже таких разговоров и не заводила, а грустила больше. А за месяц до беды, заходит ко мне в слезах и говорит, что Володя отказался жениться наотрез. «Почему?» - спрашиваю. А она только в слёзы. Прорыдала вот тут за столом полночи и да так и заснула.

- Понятно, - Нагатин отпил вкусный и душистый чай. - Скажите Лидия Петровна, если Замятин был такой положительный, то как этот Костя появился? Может, у них что-нибудь раньше было, а Замятин этого не знал? - Нагатин отчего-то подумал о Зое, но отмахнувшись от болезненных мыслей продолжил беседу.

- Ну, вы товарищ следователь скажите тоже. Да таких Костиков вон пруд пруди. Кобелина! Вскружил девке голову, пользовался ей как хотел. Приезжал когда вздумается, уезжал поутру. Тьфу! Противно даже вспомнить. У таких на уме только и есть, что под подол залезть.

- Не захотела и не пустила бы, - возразил Нагатин.

- Да он чёрт смазливый, прости Господи, моложе её лет на пять был. Коренастый такой, спортсмен. Вот как вы, только помоложе... - Лидия Петровна осеклась, заметив, как Нагатин поперхнулся печеньем и закашлялся. - Ой! Простите меня товарищ следователь. Совсем заговорила. Давайте я вам по спине хлопну?

- Ничего, ничего, - Нагатин глотнул чай. - Спасибо, не надо.

- А Володька то, дурень, всё не понимал и вечерами стоял, да в окно к ней смотрел, - Лидия налила себе чай. - Забора то вон нет, денег ихних на забор не хватило.

- Часто Замятин приезжал?

- Раз в неделю точно бывал, а я Настьке ни слова. - Лидия Петровна покачала головой. - Жалко его, такой мужик был.

- Почему был? Он жив, - уточнил Нагатин.

- Что с того, что жив? Как он жить с таким грехом будет? Свою семью сгубил, Настьку под откос, да ещё этого... будь он... - женщина вновь обернулась к образам и быстро перекрестилась, - на тот свет отправил. У него теперь разве что тюрьма впереди. От судьба у людей! И чего им не жилось по-человечески?

- А как по-человечески? - с вызовом спросил Нагатин. - Что значит это по-человечески? Как надо по-человечески, по-людски? Как это?

- Что это у вас за вопросы такие, товарищ следователь? Я прямо не пойму, - Лидия оторопела, заметив недобрый и испугавший её взгляд Нагатина.

- Извините, - следователь решил не продолжать, чувствуя, что начинает злиться на банальные, очевидные и неопровержимые истины Лидии Петровны. – Я поеду, а вас вызову для составления протокола. Спасибо за чай.

Не дожидаясь ответа, он покинул стол и вышел из дома на свежий, пахнущий сырой осенью, воздух. Максим остановился напротив дома Анастасии, словно, вживаясь в роль и чувства Замятина.

- Как всё банально, - вслух сказал Нагатин и закурил, вглядываясь в холодные окна дома. – Ладно, всё понятно... пора.

Максим направился обратно в районный центр, надеясь переговорить с Замятинным в городском психоневрологическом диспансере уже сегодня.

Находясь в пути, он вспоминал, как вернулся из командировки в пустую квартиру. Исчезновение Зои стало для него настолько неожиданным, что первые несколько дней после возвращения, случившееся ему казалось невероятным розыгрышем. Телефон её не отвечал, никаких записок, никаких объяснений...ничего. Пустая убранная квартира, словно Зои никогда и не было в его жизни. Единственное, что он мог предпринять - это написать ей электронную почту и Максим не преминул этой возможностью и написал. Писем получилось несколько и на них он возлагал совершенно необъяснимые надежды. В каждом из них Максим писал о своей любви и был искренен до последнего слова. Когда ответа не поступало, ни через час, ни через несколько дней, он отчаянно перечитывал их в поисках досадной ошибки, глупого оборота или неправильно выраженной мысли. В таких мучительных раздумьях он мог находиться несколько дней и потом, вновь, вдохновленный сошедшим на него прозрением, бросался в омут и писал что-то новое, что-то, по его мнению, важное, недосказанное и не услышанное Зоей. Он всегда писал поздно ночью, надеясь, что именно сейчас, в эту минуту она смогла бы не таясь прочитать его письмо, находясь где-то далеко в спящей тишине города... но наступало утро следующего дня и ответа не поступало. Спустя несколько дней после одиннадцатого послания он иссяк, потеряв всякую надежду...

- Сука! - выругался Нагатин, вспомнив рассказ Заболоцкого о возвращении Зои к бывшему мужу Михаилу. – Как ты могла так со мной поступить!

Максим «утопил» педаль газа, резко начав набирать скорость. Яростный, обжигающий гнев охватил его.

- Как?! Как можно было так поступить со мной! Тварь, блядь! - Нагатин агрессивно обгонял попутные автомобили, выезжая на встречную полосу и рискованно маневрируя. – Сука, ненавижу! Ненавижу!

Увидев опущенный шлагбаум железнодорожного переезда, он резко затормозил, с трудом удержав автомобиль на скользком шоссе. Максим оказался первым возле переезда и смог остановиться лишь боком, так что железнодорожные пути остались справа от него. Обеими руками он держался за руль, учащённо дыша. Вдалеке появился поезд. Максим внимательно смотрел на товарный состав, который с грохотом железной армады надвигался на него.

Локомотив издал пронзительный сигнал. Нагатин опустил голову, осознавая необратимость своего положения. Ненависть, бессилие и обида, всё перемешалось в голове следователя, слившись с металлическим грохотом проносающегося поезда.

- Будь ты проклята, мразь! Проклята! – Нагатин стиснул зубы. – Чтобы ты сдохла тварь! Ты мразь...

Нагатин ругался и матерился, едва слыша себя до тех пор, пока железнодорожный состав не промчался через переезд. Шлагбаум оказался поднятым и сигналы недовольных водителей заставили его продолжить движение.

Волнение не позволяло Максиму сосредоточиться на дороге и он решил остановиться на обочине. Проехав мимо стихийной свалки, Максим резко взял вправо и затормозил.

Ужаснувшись произнесённым словам, он ощущал как новое, упоительное и страшное чувство овладевало им. Ненависть к Зое была чудовищной силы. Теплое и липкое чувство пленило его, вытесняя накопившуюся и застывшую в его сердце боль.

- Тварь! - громко крикнул Нагатин, выйдя из машины и, сжав кулаки, ударил ногой по колесу. - Мразь... блядь, шлюха! Ничтожная, двуличная тварь, сука! Как! Как ты могла так поступить со мной...

Максим не мог остановить поток оскорблений, который с неудержимым напором «рвался» из самой глубины его униженной души. Колоссальная энергия и сила наполнили всё тело. Он был не в состоянии сдерживать себя, что-то «звериное» искало выхода из его взбудораженного естества.

Обойдя автомобиль, он отошёл на несколько метров от обочины и оказался в лесополосе. Он поднял камень и швырнул его в густую чащу, но такого действия было недостаточно для того, чтобы выместить накопившуюся злость. Взгляд его наткнулся на крупный, увесистый берёзовый сук, валявшийся на земле в нескольких метрах от обочины. Замятин немедленно взял его в руки. Неистово смотря на «своё орудие» он потерял контроль над собой. Представив Зою в чужих объятиях, он изо всей силы ударил по дереву, которое с содроганием поглотило удар.

- Мразь блядь, мразь! Ни слова, сука, ни одного слова за месяц! Сука! - Нагатин продолжал бить, что есть силы по деревьям, небольшими шагами продвигаясь вперёд. – Ненавижу, ненавижу...

Максим прошёл не более пятидесяти метров, когда услышал шорох, похожий на приближение осторожного зверя. Он развернулся, пытаясь понять: откуда доносился звук. Возбуждённо и глубоко дыша, Нагатин всматривался в лесную чащу, пытаясь обнаружить зверя, присутствие которого он уже чувствовал. Присмотревшись к сломанной в нескольких метрах от него берёзе, Максим заметил крупного, грязного безродного пса. Рыжая морда его была испачкана в крови, а из приоткрытой пасти свисал язык и текла густая слюна. Пёс остановился и не двигался, наблюдая за Максимом. Взгляд его помутневших глаз был исполнен застывшим бешенством. Нагатин сделал шаг назад и наступил на ветку. Неожиданный хруст сломанной ветки вызвал приступ агрессии у пса и он начал приближаться к Нагатиному. Пытаясь лаять, пёс хрипел и издавал невнятные звуки, наконец, сомкнув челюсти и оскалившись. Хлынувший адреналин пронзающим жаром охватил всё тело Максима. В таком состоянии Нагатин слышал только пульсирующие удары своего сердца в глухой тишине окружающего мира, звуки которого перестали существовать. Нервное напряжение достигло своего апогея и он не выдержал и бросился с дубиной на пса. Доля секунды позволила ему сделать резкое движение первым и он со всей силы ударил зверя. Удар пришёлся точно в голову и пёс свалился на бок в предсмертных судорогах. Максим не мог остановиться и продолжал добивать умирающее животное, безумствуя и размахивая переломанным суком до тех пор, пока силы его не иссякли.

- Убью, удавлю сука... Убью! Убью! - голос его затихал с каждым словом, а отдышка стала такой сильной, что последнюю угрозу он уже произнёс почти шепотом.

Выбросив надломившийся и окровавленный сук, Максим отошёл в сторону и сел на пенёк, стараясь не смотреть на хрипевшего пса. Несмотря на осеннюю свежесть, он весь взмок и, задыхаясь, расстегнул ворот рубашки на несколько пуговиц, как человек, нуждающийся в спасительном глотке воздуха.

Нагатин прикурил сигарету дрожащими руками и, совершив несколько глубоких затяжек, поднял голову, посмотрев на хмурое сентябрьское небо.

Монотонный шум умирающей листвы и редкие капли начинающегося дождя немного успокоили его.

Ярость отступила, но нервное возбуждение никак не позволяло Максиму сосредоточиться на чём-либо. Вторая и третья сигарета подряд немного успокоили его. Не пытаясь осмыслить или понять своё поведение, он всё же совладал с разрозненными остатками мыслей.

- Чёрт! – вздрогнул Максим, услышав последний хрип умершего пса.

Не смотря в сторону убитого пса и не оглядываясь, Максим быстро вернулся на шоссе. Оказавшись в салоне автомобиля, он осмотрел свою одежду, чувствуя как у него промокли ноги. Джинсы ниже колен были также оказались сырыми, грязными и запачканными кровью. Нагатин посмотрелся на себя в небольшое зеркало заднего вида и увидел осунувшееся лицо, безумные, уставшие глаза и неопрятную щетину. В таком виде никуда уже ехать уже было нельзя и Максим позвонил в отдел, сочинив историю с той только целью, чтобы скорее добраться домой и спрятаться от всего происходящего.

Глава 3. Квазимода

Владимир внимательно вглядывался в зеркало, изучая своё изуродованное, испещрённое шрамами и сшитое, словно из чужеродных лоскутов кожи лицо. Опухшее, исполованное оно казалось ему уродливо крупным из-за коротко и небрежно обстриженных волос. Он узнавал лишь свои пустые, потускневшие, монокромные глаза с едва зеленоватым оттенком. Протянув руку к лицу, он осторожно потрогал валившийся нос и тонкие, будто растянутые в разные стороны, губы. Коснувшись пальцами губ, он почувствовал, как они «провалились» между беззубых и постоянно ноющих дёсен.

- Слышь, Квазимода, глянь, там нигде бумажки нет? – раздался голос из закрытой кабинки туалета, над дверью которой поднимался голубовато-седой, едкий дым дешёвой папиросы.

- Сейчас посмотрю, - не отрывая взгляда от зеркала, ответил Владимир, в очередной раз услышав, как непривычно звучала его шепелявая и почти неузнаваемая речь.

- Хватит торец свой разглядывать! Чё иконостас что ли? – снова раздался сиплый голос. – Мне чё теперь, грязным очком санитаров шугать? А? Слышь, Квазимода! Тащи, давай бумагу, не буксуй.

Владимир отошёл от зеркала и поочерёдно начал заглядывать в пустые кабинки сортира, до тех пор пока не нашёл «худой» рулон серой туалетной бумаги.

- На! - Замятин небрежно перекинул рулон через дверь и, нащупав в кармане пачку папирос, закурил возле обрешечённого окна психоневрологического диспансера.

- Ах, хорошо, - к Владимиру подошёл невысокого роста сухой, лысеющий мужчина пятидесяти лет в старой майке, тренировочных штанах и тапках на босу ногу. – Как погадишь, так потом и жить хочется. О! Как мир-то просто устроен! А то у меня от этой казённой жрачки и пилюль чувство, как будто мне клин в задницу забили. Каждый раз посрать, что бабе разродиться, ей Богу.

Лёнчик улыбнулся, манерно подтянул штаны и нахально выхватил из рук Владимира пачку «Беломора». Характерно дунув в гильзу и высыпав лишний табак папиросы на кафельный пол туалета, он свернул папиросу и снова закурил.

- Ты чего такой смурной? – Лёнчик присел на подоконник и выдохнул густую струю дыма, неудачно попытавшись запустить несколько «колец». – Слушай, а чё у ты с памятью в натуре аут полный? Чё-нить помнишь или так, местами? – не дожидаясь ответа, Лёнчик продолжил. – Со мной такая же непонятка случалась. Как-то бухнули мы с ворами водяры палёной на даче и всё... Зенки с утра открываю и не врублюсь: кто я и где я? Шмотье в крови, лапы в крови... Ну, думаю, п***ц завалил кого по пьяной лавочке. Я стреманулсь конкретно. А потом оказалось, что мы вчера свинью резали, а я уж на нары собрался. Вишь, как бывает...

- Да, - тихо ответил Владимир, не решившись развивать тему.

- Слушай, а табло то они тебе славно зашили, а? Гляди, как новое, - Лёнчик кашляя, захихикал и пристально посмотрел на Владимира, прищурившись от попавшего в глаз дыма.

- Угу, - Владимир тихо пробурчал себе под нос и вернувшись к раковине, намазал подбородок и щёки мыльным кремом для бритья.

Достав бритвенный станок, Владимир старался плотно прижимать его к щеке, пытаясь гладко выбрить трёхдневную щетину. Он аккуратно двигал бритвой, боясь повредить заживающие красные шрамы на лице.

- Больно? – Лёнчик подошёл совсем близко к Владимиру и с нескрываемым любопытством и показным отвращением наблюдал за тем, как он бреется. – Слышь, чё говорю то? Больно?

- Да, - Владимир утвердительно кивнул головой.

- Дай «торец» потрогаю, - Лёничик протянул указательный палец и ткнул им в выбритую щёку Владимира, усмехнувшись. - Ну и рожа у тебя, Шарапов. Выбритое лицо показалось Владимиру ещё более мерзким: лицо куклы, скроенной по отвратительной выкройке.

- Ничё, на зоне с такой карточкой в самый раз, - Лёничик сел на подоконник и вновь закурил. – Слышь, ты чё в натуре не помнишь, как хахаля своей подружки порешил или так, рядишься перед следаком?

- Я ничего не помню, - Владимир сложил в платок бритвенные принадлежности и кинул их Лёничу.

- Следак к тебе уже второй раз приезжает сука на «мерине». Стопудово хитрожопый. Я таких знаю. Хапают, мама не горюй, а таким как ты дела рисуют не хуже Шишкина. С таким следаком считай, червонец строгача твой, хотя вы мусора всегда договоритесь. Может тебя кто сверху отмажет? А, Квазимода, чё молчишь?

- Я слушаю.

- Слушай, а этот твой следак, про меня ничего не спрашивал? – настороженно спросил Лёничик.

- Нет.

- Ну и хорошо, - Ленчик задумался и после паузы продолжил. – А я вот в толк все равно не возьму, как ты себе в башку два раза шмальнул. Любовничков положил – верю, но как ты себе-то в башку стрелял два раза? Слышь, Квазиморда, а может это бабенка твоя постаралась? А чё!? Вполне. Ты её хахаля продырявил, а у неё шифер и поехал. Она тебе включила ответку и в башку орехов насажала, только не знала, что ты такой живучий мусорок окажешься. Ты же ни хрена не помнишь, какой в натуре расклад был.

Владимир отвернулся от зеркала и несколькими быстрыми шагами подошёл к Ленчику. Схватив его за руку Замятин «стащил» его с подоконника.

- Ты чё на меня, волчара, скалишься, а? – Лёничик попытался освободить руку и отступил на шаг от Владимира, заметив «звериный» блеск в его глазах. - Я что ли твою бабу драл, сам виноват!

После этих слов Лёничик вырвался и убежал из туалета в палату. Оставшись один, Владимир достал из кармана больничной пижамы фотографию Екатерины, которую отдал ему Нагатин на последнем допросе. Русая синеглазая женщина ласковым взглядом смотрела на него с помятой фотокарточки. Владимир внимательно разглядывал её глаза, пытаясь отыскать в них потерянное чувство, но ничто в них не напоминало о нем.

Последнюю неделю он тщетно пытался связать в своей памяти отрывки трагедии, причиной которых стал. Память не подчинялась и словно намеренно прекращала сообщать Владимиру подробности в самый необходимый момент, заново раскалываясь на осколки прожитых дней в клинике.

Мерцающие воспоминания, не позволяли ему понять и вспомнить, что это было за чувство? Как бесконечно он мог любить женщину, что убил из-за неё человека и, более того, пытался убить её саму. Как!? Какой неведомой силы это была страсть, если теперь он не помнит о ней?

Изображение Анастасии не вызвало во Владимире ни малейшей эмоции. Он вспоминал слова Нагатина, который всякий раз на допросах повторял: «Посмотри, это она. Это твоя Настя. Её-то хоть узнаёшь?» Однако воспоминания и чувства оставались мертвы.

Зажав фотографию в кулаке, он направился в палату, где Лёничик уже храпел, а старик Лазарь лежал в темноте и по обыкновению «длинно» молился перед сном, чуть слышно что-то нашёптывая. Замятин лёг на кровать и привычно засунул руки под подушку, вспомнив, что днём спрятал под неё альбом с рисунками Даши, который передал ему Нагатиным вместе с фотографией.

В палате было уже темно. Замятин не хотел быть замеченным с альбомом детских рисунков днём, поэтому намеревался посмотреть его ночью в туалете, но увязавшийся с ним Лёнчик не позволил взять альбом с собой. Посмотрев на освещённое полной луной окно, Владимир аккуратно подошёл к нему и в свете луны принялся рассматривать «художества» девочки.

Незамысловатые рисунки изображали хрупкий, наивный мир маленькой девочки, в котором ещё шесть месяцев занимал своё место и Замятин. Владимир перелистывал страницы альбома, пока не «остановился» на одном из рисунков, изображавших тётю, девочку и дядю в фуражке. Присмотревшись, он прочитал надписи над каждым угловатым, счастливо улыбающимся персонажем «Мама, Даша, Новый папа».

Владимир вернулся на кровать и, отложив альбом, закрыл глаза, вспоминая последнее, что осталось в его памяти...

Владимир вышел из парилки, обернулся простынею и направился в зал отдыха городской бани, где заядлые парильщики утоляли «жар» холодным пивом. Усевшись на дерматиновую лавку, он прислонился спиной к не высокой перегородке между местами и открыл «аппетитно» запотевшую бутылку пива. Несколько глотков холодного напитка умиротворили его и, вытирая пот с лица краем простыни, он закрыл глаза, вновь пригубив бутылку с ещё большим удовольствием. Открыв глаза, он мельком обратил внимание как двое мужчин прошли мимо и сели на лавку позади него, отчего перегородка ощутимо качнулась.

На этих мужчин он обратил внимание ещё в парной: один был на вид лет тридцати очень крепкого спортивного телосложения, словно вырезанный из воска, второй, напротив, был заметно старше и имел рыхлое тело со свисающим животом. Собственно, значительное различие этих двух типов и привлекло внимание Владимира в парилке несколькими минутами ранее. Он мысленно прозвал одного атлетом, а другого пирожком, хотя его собственное телосложение ближе было к «старшему» из двух примеченных им посетителей бани.

Собеседники уселись позади Замятина, открыли пиво и продолжили начатый ранее разговор. Владимир нехотя прислушался, хотя и не предал сначала этой беседе значения.

- Мы в тот вечер прямо к ней в Александровку и рванули. Прикинь! – живо рассказывал атлет, резко жестикулируя, отчего лавка постоянно вздрагивала.

- Ну, ты блин даёшь, - усмехнулся «пирожок». - Туда же километров пятнадцать тащиться.

- Озабоченному кролику пятнадцать километров не крюк! – Атлет засмеялся.

- Не зря хоть съездил, кролик? – игриво спросил «пирожок».

- Семёныч, я бы тебе просто так рассказывать не стал. Ты подожди это только самое начало.

- Ладно, Костя, не томи, давай выкладывай.

- В общем, я сразу понял, что эта одинокая сучка потрахаться захотела. Я таких за версту чую, всё ёпт мнят себя молодухами, дурёхи, на всё готовы. Мне такие больше всего нравятся. Самые отрывные бабы. Правда, одна проблема – не отвяжешься потом. Я поэтому с такими больше двух-трёх раз не связываюсь, зарёкся.

- Ну и ... – в словах Семёныча звучало нескрываемое любопытство до пикантных подробностей, которые Константин намеревался поведать.

- Приехали мы к ней около полуночи. Хорошо у меня внедорожник, а то бы мы в эту дыру хрен бы добрались. Как назло дождь пошёл, а у неё дом на окраине села. Говорила, что участок новый и дорогу к нему ещё толком не проложили. Дом, кстати, так себе. Участок без забора. Жаловалась, что еле вытащила строительство без мужика. Типа поплакаться решила. В общем, кое-как добрались, - Константин налил пиво в кружку и выпил разом половину. – Выхожу я, значит, из машины: дождь льёт,

света ни хрена нет, чувствую, в грязи застрял: такая глинища, что ноги не вытащишь. Реально! Думал, нахрен, без ботинок останусь, а потом решил, что к такой бабе и в носках пойду.

Константин и Семёныч громко засмеялись, продолжая беспечную беседу, не подозревая, что за перегородкой у них появился невольный, но внимательный слушатель.

- Я кое-как обошёл машину и на руках её вытащил, в дом понёс. Она уже тогда чуть не «кончила»: за шею меня обхватила, дышит, как будто задыхается и глаза блестят. Я чувствую всё, поплыла тётя. Ну, думаю, «оторвусь» сегодня.

- Круто ты её...

- А чёго тянуть - не маленькая девочка. Ломаться не станет, - сказал Константин и продолжил, изображая высоким голосом свою спутницу. - У тебя, говорит, такие сильные руки и плечи... так в шею вцепилась, что у меня аж в глазах потемнело.

- Ну, ты мастер рассказывать, - Семёныч вновь засмеялся, услышав как собеседник попытался изобразить дрожащий голос девушки.

- Да ты представь моё положение! - шутливо возмутился Константин. - Прикинь, я по колено в грязи с этой козой на шее... еле до дома её дотащил.

- Толстая что ли?

- Ты что! Баба обалденная. Ей хоть и за тридцатник, а фигурка класс. Сиськи уже правда не очень, понятно, что рожала. Зато попка супер: ни целлюлита, ничего. Подтянутая, я просто млею от таких, - Константин с вождением закатил глаза.

- Чувствую, припилил ты её? - игриво спросил Семёныч.

- Мне, кажется, это она меня, - Константин засмеялся. - Уделала под чистую, я с утра очнулся как после тренировки: ноги гудят, спина не разгибается. Покувыркались от души.

- И как?

- Чума, «строчит» как машинка Зингера... сочная кошечка попалась, - Константин улыбнулся, вспоминая Анастасию. - С утра она сырников наделала со сметаной, сказка. Я себя как самый счастливый кот чувствовал.

- Смотри, так и женишься на сырниках.

- Нет Семёныч, меня за сырники не купишь! Я решил, что до сорока даже «париться» не буду. Тем более она с ребёнком - девчонка инвалид: я как увидел, думаю, нахрен надо.

- А что с ней? - поинтересовался Семёныч.

- Не знаю, но выкатилась она в комнату в коляске. Ну её, даже вспоминать неприятно. - Максим сморщился. - Им «папашка» постарше меня нужен. Чтоб там типа всё в дом, в семью... в общем не мой вариант. Я кот, который гуляет сам по себе, - Константин допил пиво. - Месячишко покувыркаемся, а там посмотрим. Она, видать, развлечься не против, да и мне чего терять? В нашей вонючей общаге, что ли кантоваться?

- Умеешь ты устраиваться Костя.

- А иначе как жить? Приходится крутиться.

- Что же ты дальше делать будешь, если там девчонка больная?

- Посмотрим. - Константин не желал задаваться этим вопросом. - Сегодня вот к семи поеду да вдую ей ещё раз вечером, а там решим. Я пока не заморачиваюсь...

Владимир открыл глаза и резко поднялся на кровати. Схватившись за голову, он почувствовал резкую головную боль. Голова кружилась так сильно, что он с трудом удержался на кровати, схватившись за спинку.

- Лазарь, вызови врача! - громко сказал Замятин и попытался лечь, но боль, «волнами» растекаясь от затылка к висками, стала невыносимой. Владимир словно оцепенел, боясь повернуться. - Лазарь! Позови врача. Позови врача быстрее...

Глава 4. Лазарь

Максим вышел из подъезда и, укрываясь плащом от моросящего дождя, быстро подбежал к автомобилю. Усевшись в машину, Нагатин стряхнул капли с плаща и швырнул портфель на заднее сиденье. В это же мгновение в пассажирское окно кто-то настойчиво постучал.

- Макс, привет. Открой дверь, - Анатолий быстро заскочил в автомобиль, негодую на погоду. – Ну что за погода, а! Ты посмотри. В Турции +37, а у нас? Что же это за страна такая. Как здесь жить то можно!

- Можно, - тихо ответил Нагатин. – Мы же живём.

- Что это за жизнь? Сентябрь дождь, октябрь дождь, потом эта зима чёртова на полгода. Теперь только «майские» осталось ждать, - Анатолий деловито пристегнул ремень. – Макс ты в контору? Подкинь до рынка, а то у меня вчера вечером, представляешь, колесо спустило. Тьма, дождь, я и менять не стал.

- Я... - Максим хотел было отказать Анатолию, но решил, что проще будет его подвезти, чем объяснять что-либо. – Ладно, поехали.

- Ну, как твоё дело? – спросил Рябков.

- Пока никак. Съездил на место происшествия, пообщался с соседкой Анастасии, пару раз съездил к Замятину в психушку.

- Ну?

- Познакомился с твоим Мещерским, - Максим посмотрел на Рябкова. – Правда, пока только «поручкались», но на вид... интересный тип.

- Интересный!? – удивился Анатолий. – Подожди, ты ещё его узнаешь. Как, кстати, твой подопечный? Вспомнил что-нибудь?

- Ничего. Ни черта не помнит. Всё про баню рассказывает.

- Про какую баню? - удивился Рябков.

- Да не забивай себе голову, не о чем пока говорить. – Максим устало усмехнулся. – Надеюсь, сегодня что-нибудь прояснится. Ты сам-то как?

- Да я нормально, - Анатолий выдержал паузу, над чем-то размышляя.

- Ты чего замолчал?

- Макс, я тут с Зойкой пересёкся. Она к Ритке приходила, - робко начал Анатолий. – Она была у тебя?

- Нет, - ответил Нагатин.

- Макс, - Анатолий с сожалением вздохнул, - в общем, я, знаешь, я с Риткой о тебе говорил, а она всё взяла и выложила Зойке.

- Зачем!? Кто тебя просил?

- Макс, Рита тоже чувствует себя, ну... неловко, что ли. Ведь это она тогда придумала вас на дне рождения познакомить.

- Толя, нахрен вы этой суке обо мне рассказываете? - Максим в одно мгновение изменился в лице.

- Макс, мы подумали, раз она пришла к нам, то, может, и к тебе зайдёт. Блин, ну извини, ну так получилось.

- Зачем она к Ритке приходила? – спросил Максим, чувствуя учащённое сердцебиение.

- Ты знаешь, Ритка же в турагентстве работает, а Зойка на отдых решила смотаться. В общем, приходила обсудить, что по чём? - Нагатин резко остановил автомобиль после сказанных Анатолием слов. - Ты чего Макс!?

- Зачем ты мне об этом рассказываешь? - Максим пристально посмотрел на друга. - И с кем она в тур собралась?

- Ну, я не знаю... может быть с подругой.

- Толя, скажи, ты чего, совсем что ли мудака? – Максим развернулся к Анатолию, едва сдерживая желание ударить его. – С какой подругой?

- Макс, ты чего? Я же...

- Вылезай из машины. – Максим отвернулся и, вцепившись руками в руль, уставился на приборную панель.

- Что? – лицо Анатолия вытянулось.

- Пошёл вон из машины, пока я тебя не вышвырнул, - не глядя на Анатолия повторил Нагатин.

- Макс, извини, я не хотел тебя обидеть и, вообще, ты в последнее время...

Максим безмолвно вышел из автомобиля и, открыв пассажирскую дверь, схватил обескураженного Анатолия за руку и силой вытащил его из машины.

- Макс...

- Пошёл ты... Толя! - Максим вернулся за руль и, не обращая внимания на Рябкова, утопил педаль акселератора в пол. Ошарашенный Анатолий остался стоять под дождём, даже не предполагая, что его слова могут стать причиной такого поведения Нагатина, многодневное душевное потрясение которого начало сказываться на его поведении.

Максим, действительно, стал немногословен и замкнут в себе, утрачивая с каждым днём интерес к жизни и её адекватное восприятие. Он пытался быть «прежним», но не находил себя, словно Зоя забрала того жизнерадостного человека, каким всегда был Максим.

Нагатин избегал любого контакта с коллегами и почти не находился в отделе, постоянно выезжая на «живую» работу со свидетелями. Он и сам чувствовал, как менялось его отношение к жизни и окружающим его людям. Вечерами, замкнувшись в себе, Максим уже с безразличием прослушивал минорную классику, которая стала фоновой музыкой его одиночества. Нагатин просыпался теперь в восемь часов и утро его привычно начиналось с плавленого сыра, «докторской» колбасы и растворимого кофе. Писем от Зои он не ждал и не обращался к компьютеру, удалив как написанное ранее, так и саму учётную запись, осознавая, что в жизни нет обстоятельств, которые заставили бы Зою вернуться. Нагатин почти покорились судьбе и смирился с тем, что самая большая и единственная любовь его жизни ушла безвозвратно...

Однажды он даже пришёл к мысли о прощении Зои, но... в душе его хозяйничала ненависть, пришедшая на смену любви. Всепоглощающая ненависть выжгла в нём всё человеческое и сказанные Рябковым слова в одно мгновение ввергли его в безумие, казавшееся сдавшимся и отступившим.

Ненависть очень нетребовательное чувство, которое не обманет, не предаст и не иссякнет. Ненависть всегда искренняя, неистовая и предающая силы. Любовь делает одинокого человека счастливым, вера – святым, ненависть - безжалостным.

- Сука, я так люблю тебя, - стиснув зубы, прошептал Максим и сбросив скорость, притормозил у ворот городского психоневрологического диспансера.

Серое, трёхэтажное здание больницы было построено в советскую эпоху. Территория лечебницы была огорожена бетонным забором, но казалась достаточно просторной и удивительно продуманно распланированной. Основное здание и вспомогательные постройки соединялись сетью асфальтированных дорожек. Чуть поодаль от центрального входа в здание больницы, был разбит небольшой яблоневый сад за которым следил персонал больницы, привлекая к уходу за ним пациентов в качестве «трудовой терапии».

Оставив автомобиль на небольшой площадке возле будки охранников, Нагатин неспешно направился в сторону здания больницы. Глубоко вдыхая сырой воздух, он настраивался на встречу с Замятиным, будучи уверенным, что именно сегодня Замятин что-нибудь вспомнит для чего он и оставил ему альбом Даши и фотографию Анастасии. Пройдя сотню метров, Нагатин заметил среди редких яблонь невысокого старика в телогрейке, одетой поверх больничной пижамы.

Максим вспомнил, как видел разговор старика с Замятиным в столовой, когда Мещерский показывал ему больницу. Сутулый, сухой старик неуклюже, но старательно орудовал с граблями, собирая опавшую листву под деревьями. Нагатин решил переговорить с ним, надеясь, выяснить «истинное» состояние Владимира, потому что с трудом верил в потерю им памяти.

- Здравствуйте! - Максим сухо поздоровался со стариком и, достав удостоверение, представился. - Нагатин Максим Дмитриевич.

- Доброго здоровья, Максим, - тихо ответил старик, окинув беглым взглядом Нагатина, и продолжив размеренно сгребать упрямую листву, проскакивающую сквозь беззубый хребет грабли. - Зови меня Лазарем.

- Н-да, - разочарованно протянул Нагатин, посчитав глупой затеей идею беседы со стариком и уже решив уйти, услышал вопрос Лазаря.

- Что ты хотел спросить, Максим? - не отрываясь от своего занятия, спросил старик.

- Я думал, что вы могли бы мне помочь. - Безнадежно ответил Нагатин. - Я веду дело Замятина

- Дело Володи? - старик немного оживился.

- Да, Владимира Замятина, - утвердительно кивнул Максим.

- Чем же я могу помочь?

- Может быть, Владимир рассказывал об Анастасии, делился какими-нибудь воспоминаниями?

- Зачем искать то, чем он делился? Ведь дело ясное до последней подробности, - старик шмыгнул носом. - Взял он грех на душу, убил, так вы что-же истину искать будете. Все одно судить станете.

- Я не судья, я следователь. - Возразил Нагатин, втягиваясь в разговор с Лазарем. - Я всего лишь расследую обстоятельства преступления, мотивы, а не сужу. Судит суд.

- Мотивы, говоришь? - старик прищурился, словно пытался оценить что-то в Нагатине.

- Да, мотивы.

- Мотив его один, - старик замолчал, раздумывая продолжать или нет, продолжив после небольшой паузы сказал, - любовь.

- Любовь, - удивлённо повторил Нагатин.

- Да любовь, весь его грех это плата за любовь.

- Что значит «плата за любовь»? - старик вызывал странное ощущение мудрого человека. Нагатин на мгновение удивился своему поведению, слушая «обыкновенного» сумасшедшего старика в саду психиатрической клиники.

- У любви Максим в каждом возрасте разная цена, которую мы платим. Чего стоит ветреному и беспечному сердцу наполниться этим чувством в молодости, когда ты горяч и каждый подол будоражит и пленит твоё вольное сердце? Как легка и мимолётна она, как проста и доступна каждому из нас, как непринуждённо она соединяет сердца. Тогда цена ей ещё медный грош! - Нагатин слушал Лазаря, не зная, что сказать или ответить ему. - Володя же встретил свою настоящую любовь только к середине жизни, когда узами брака уже был связан с законной женой. Такие как он разумеют, что уже огрубели душою и разбудить её уже ничто не может, но разве это не заблуждение? Когда же проникает в них самое глубинное чувство, то переворачивает оно всё в их умах, но за такую любовь надо платить уже другую цену.

- Какую цену?

- Как думаешь, чего она стоила Владимиру? Трудно даже представить... - Старик глубоко вздохнул. - Любовь его ввергла в предательство близких. Это страшное чувство порождает самую большую ложь за которой укрывается, пытаюсь спастись. Любовь выкручивается меж обречённых сердец и превращает людей в рабов. Даже

самых благоверных и добродетельных она не жалеет ни на миг, заставляя их преклонять колени и служить собственным страстям. - Старик почти не обращал внимания на Нагатина и увлёкся собственным монологом, словно воскресной проповедью. - И оказавшись в сетях таких греховных, но вожделенных страстей, человек встаёт перед выбором. Словно всю жизнь брел по гладкой тропинке и дошёл до распутия. Стоит тогда человек пред двумя тропами и решить не может. И назад уже ходу нет, и впереди привычный путь обрывается. По какой тропе не пойдёшь, так она всё одно уже той, что была, не станет. Понимаешь?

- Понимаю, - кивнул Нагатин.

- На этом пятаке каждому из нас суждено быть и в этом начало пути каждого из нас. Путь праведника прям, но кто среди всех удостоен был такого пути? Никто, ни одна душа не снискала его хоть и лезла в узкие врата, уповая на Господа нашего. Рабы, мы рабы этой праведности, что живёт в душах наших и направляет Он нас путями грешными лишь затем, чтобы карать нас, поэтому и не приходим мы никуда, да по дороге ещё и себя теряем.

- Почему? – спросил Нагатин.

- Почему? - Лазарь чуть слышно повторил вопрос Нагатина и на время замолчал, закрыв глаза. Затем он многозначительно поднял руку и «ткнул» в небо указательным пальцем, - Потому что никому «там», не нужны счастливые люди, ибо нету им надобности в вере, нету в ней нужды, коли они уже обрели любовь. Понимаешь? Чем счастливее человек, тем он свободней, а «там» нужны нищие духом, плачущие и ищущие. Там, Максим, увы, не ждут счастливых и не терпят радостных, отчего и право на любовь и счастье получаем мы тогда, когда воспользоваться им уже нет никакой возможности. Мы же рабы Его праведности, а потому и предстать должны пред Ним в судный день скорбя и каюсь, ожидая лишь от Него спасения и любви. Вот какова суть замысла. Вот такая у Него игра с каждым из нас складывается.

Сказанные стариком слова затронули Нагатина до самой глубины. Он что-то хотел добавить или прокомментировать, но услышанное ему казалось настолько нерушимым и правильным, что Нагатин не смог ничего сказать.

- Сгребает вот так наши души пастырь, как листву опавшую, и когда ему там копаться в наших судьбах, - старик стал заговариваться сам с собой, совсем не обращая внимания на Нагатина, - кто тут теперь помнит, какой листок сам наземь упал, а какой ветром сорвало? Вон, гляди, все съёжившиеся и пожелтевшие валяются в одной куче. Поди разбери в них что-нибудь. Да и надо ли то кому, ежели лживые попы пытаются спасти нас, сами не веря в свои деяния. Эти, вон, - старик кивнул головой, устремив свой взгляд за спину Нагатина. - с зашитыми душами, пытаются излечить нас, чтобы мы не страдали. Верю, что многие из них искренни, но усилия их тщетны...

- А что... - Нагатин не успел закончить фразу, как позади него раздался знакомый мужской голос.

- Здравствуйте! – Мещерский протянул следователю руку. – Как, поживаете, Максим Дмитриевич?

- Алексей Павлович, здравствуйте, - мужчины пожали руки и Мещерский пригласил Нагатина к себе в кабинет. Максим последовал за врачом, размышляя над неожиданными словами Лазаря и, обернувшись на пороге больницы, посмотрел на старика, продолжившего методично собирать листву.

- Скажите, Алексей Павлович, а что это за старик? – уже в кабинете Нагатин спросил Мещерского.

- Что, зацепил? – Мещерский спросил таким тоном, словно Нагатин не был первым человеком, попавшим под влияние Лазаря.

- Есть немного. Неожиданные вещи говорит, - Нагатин впервые внимательно осмотрел кабинет Мещерского с профессиональной скрупулезностью и заметил надпись «*Lasciate ogni speranza voi ch' entrate*» на поле чёрно-белой фотографии Зигмунда Фрейда. – А что это за надпись? Это что, латынь?

- «Оставь надежду всяк сюда входящий». Такая надпись висела над воротами ада в «Божественной комедии» Данте. Это мне сын такой коллаж подарил. Коллеги считают, это неуместным, а мне, почему-то, кажется забавным и ироничным. Была бы моя воля, я бы повесил это как девиз над центральным входом в клинику.

- Или в приёмном отделении роддома.

- Ого, а об этом я не подумал, - Мещерский искренне засмеялся, - отличная шутка... будете?

Мещерский достал из тумбочки рабочего стола початую бутылку дорогостоящего коньяка и два бокала. Нагатин отметил чистоту бокалов, поскольку было очевидно, что именно сам Мещерский протёр их до кристального блеска.

Первые визиты в больницу, он не обращал должного внимания на Мещерского, хотя и помнил об истории Рябкова и лишь теперь по-настоящему присмотрелся к «таинственному» психиатру. Изучая Мещерского, Максим обратил внимание на его непринуждённый лоск, которым обладает исключительно определённый тип мужчин. Нагатин даже подумал, что Мещерский напоминает ему рекламное «лицо» некоторых известных брендов для состоятельных мужчин за «пятьдесят».

Его солидные часы, позолоченная перьевая ручка в кармане белоснежного халата и изысканный галстук, завязанный виндзорским узлом, никоим образом не гармонировали с серым кабинетом, наполненным скудной врачебной утварью и старой мебелью.

- Ну я ...

- Перестаньте, Максим... извините, могу я к вам так обращаться? – наигранно смутившись, спросил Мещерский.

- Конечно, нет проблем.

- Отлично, - Мещерский улыбнулся и разлил коньяк по бокалам, - я же не предлагаю вам напиться. Пятьдесят грамм породистого коньяка людям с нашими профессиями никогда не помешает. – Мещерский выпил не «чокаясь», отставил бокал и продолжил рассказывать о старике. – Старик, что привлёк ваше внимание, это Пётр Николаевич Богатов 1948 года рождения. Здесь он с 2008 года и все его зовут Лазарем. Он порой на собственное имя даже не откликается, но для психиатрической клиники это в порядке вещей.

- Почему Лазарь? – спросил Максим, внимательно слушая Мещерского.

- Лазарь, как известно, библейский персонаж, который умер и на четвёртый день был воскрешён Христом. Это, пожалуй, одно из самых великих «чудес» сотворённых Христом. Интересно, что и сам Христос «окончательно» прославился именно благодаря этому волшебному воскрешению.

- Странно, - задумался Нагатин.

- Совсем нет. Изначально, помешательство Богатова произошло на религиозной почве. Ожидание спасителя или распятого, как он иногда говорит, способного воскресить его в нравственном смысле, спасти, вполне уместно, если так можно выразиться, - Мещерский убрал коньяк со стола и откинулся на протёртом кресле, постукивая пальцами по столу. – Он, кстати, с Замятиным в одной палате находится. Вы знали об этом?

- Нет, просто я обратил внимание на него тогда в столовой, помните? Он единственный кто сидел за столом с Владимиром и довольно живо разговаривал.

- Вы наблюдательны. – Удивился Мещерский.

- Спасибо, - усмехнулся Максим. - Я поэтому и подошёл к нему поговорить.

- Поговорить? - Мещерский холодно улыбнулся, обнажив в улыбке белоснежные зубы и шутливо продолжил. – Вы с ним поменьше говорите. Он мне тут одного санитара так заговорил, что тот пить бросил. Представляете?

- Он что, совсем сумасшедший? Думаете, глупая затея? – спросил Нагатин.

- В целом да. Хотя рассуждения у него порой такие, что мне он кажется мудрейшим человеком, но диагноз, увы, говорит о другом.

- Понятно. А что с ним все-таки случилось? Как он сюда угодил?

- Богатов всегда был набожным и однажды у него заболела супруга. Он рассказывал, что молился за неё день и ночь, но она всё равно умерла. Он не смог справиться с потерей. Запил, бродяжничал, лишился квартиры. Потом монашествовал несколько лет в нашем мужском монастыре. По-крайней мере, сам так говорит, а уж как там было на самом деле трудно сказать. Прожил в монастыре несколько лет и его изгнали. Он четыре года ходил возле ворот монастыря взад и вперед, прощения вымаливал.

- Ничего себе! - История Лазаря заинтересовала Нагатина и он старался внимательно слушать сухой и беспристрастный рассказ Мещерского, периодически поглядывая в окно, наблюдая за стариком, который сел на лавку и уткнулся в книжку.

- Как это?

- Просто стоял напротив ворот монастыря метрах в ста и ходил туда-сюда. Его даже туристам показывали как достопримечательность.

- И за что его так?

- Говорит, возроптал на Господа Бога, злословил, покоя себе не находил и с братьями монахами своими негодованиями делился, - Мещерский улыбнулся, – в общем помешался старик. Это, видимо, и в монастыре поняли. Кому охота с таким возиться, да ещё и эпилептик. Терпенье у настоятеля лопнуло и выгнали его. Дальше случилась невероятная история, которая может случиться только у нас.

Был какой-то праздник, вроде пасхи. Вся братия чиновничья туда понаехала с жёнами грехи замаливать. Пригласили наше местное телевидение снять репортаж об этом «священнодействии». Нагнали народу, кругом веселье, чиновники с довольными рожами, а Лазарь наш, маячил на заднем плане. Решили его «убрать», а с ним возьми да и случись приступ. Потом, по местному ТВ вышел репортаж обличающий местную власть в «безразличии к судьбам граждан», я сам смотрел. Монастырю тоже досталось, хотя сейчас обличать оборотней в рясах скорее модно, чем актуально. В конце концов, поняли, что монастырь является местом паломничества и туризма, святыня области, пополняющая бюджет, сами понимаете... в общем, с божьей помощью определили его сюда доживать свой век, подальше от правоверных с губернаторским мандатом.

В разговоре наступила небольшая пауза. Нагатин был удивлён тому с какой точной иронией и сарказмом Мещерский рассказывал о Лазаре.

- Когда его привезли, это был немощный, грязный, брошенный всеми старик, - Мещерский вновь отклонился на стуле и принялся возиться в верхнем выдвижном ящике стола, продолжая говорить. – Ничего, отмыли, откормили и пусть теперь хоть с Богом, хоть с чертом отношения выясняет, лишь бы не шумел. Да, где же ты, а вот!

Мещерский достал альбом с рисунками, который Нагатин оставил у Замятина и, положив его на стол перед собой, заметно изменился в лице.

- Максим Дмитриевич, я вас собственно вот по какому поводу пригласил, - Мещерский сложил руки на альбоме, а взгляд его карих глаз стал пронзительно холодным. - Максим Дмитриевич, прошу вас больше не заниматься подобными вещами. Ваше дело протоколы писать, а моё дело людей лечить. Договорились?

- Я не понимаю, что... - растерялся Нагатин, вспомнив свой бескорыстный порыв в отношении Замятина.

- Вчера вечером у Замятина случился гипертонический криз. Вы понимаете, что у человека было огнестрельное ранение головы?

- Да, но я ...

- Если, в ваших интересах довести дело до суда, а нам ещё предстоит длительная экспертиза, то прошу вас такие опыты у меня в отделении не ставить. Вы же не хотите, чтобы у Замятина случилось кровоизлияние?

- Нет, - сухо ответил Замятин и, опустив глаза, взял альбом.

- Вот и замечательно, - дежурно улыбнулся Мещерский. – И потом, насколько я понимаю, этот альбом приобщен к делу и вы не желаете, чтобы о его «хождениях» кто-то знал?

- Я вас понял, - Нагатину стал неприятен нравоучительный тон Мещерского. – Это больше не повторится, я просто хотел помочь ему вспомнить...

- Я уверяю вас, мы сами поможем ему всё вспомнить. Отлично, что вы всё поняли и, пожалуйста, не обижайтесь, порядок есть порядок. - Мещерский протянул руку Нагатину и передал визитку. – Будут вопросы, обращайтесь. Всегда готов помочь, а сейчас, извините, меня ждут больные и ещё одно... с Замятиным я вам сегодня встречаться не разрешу. Ещё раз извините, ничего личного.

Нагатин вышел из кабинета Мещерского в подавленном настроении и держа в руке альбом, отправился к выходу из больницы. Пройдя несколько коридоров, он понял, что заблудился. Обернувшись, он попытался восстановить путь назад, но и эта попытка оказалась безрезультатной.

Бледно-розовые коридоры были безлюдно одинаковыми. Максим сообразил обратиться к плану эвакуации, прежде чем совершить звонок Мещерскому. Надежды на план не оправдались. Номера помещений не совпадали, а когда следователь обратил внимание на дату утверждения плана, то оказалось, что он был составлен около десяти лет назад.

- Чёртова обитель! – выругался Нагатин. – Хоть бы вылез кто из палаты!

Сразу после этих слов в конце коридора появился Ленчик со шваброй и ведром. Нагатин решительно направился в его сторону и, не доходя до него нескольких шагов, достал удостоверение и представился. Лёнчик выронил ведро и побледнел.

- Я чё, я то чё, они сами под машину прыгнули, сами! – нервно закричал Лёнчик.

- Под какую машину, - Нагатин резко перебил Лёнчика. – Что ты несёшь! Где здесь выход!

- А-а, - Лёнчик словно онемел и, показав большим пальцем правой руки себе за спину, сказал, - там лестница. Там... вниз выход.

Нагатин направился в указанную Лёнчиком сторону. Непродолжительное время он обдумывал слова Лёнчика, но уже совсем скоро забыл о них, «списав» это на бред очередного сумасшедшего.

Лёнчик, тем временем, проводив следователя взглядом, присел на стоящую возле палаты лавку. Вытерев пот со лба, он «на цыпочках» пробежал по коридору до лестницы и постарался прислушаться к шагам спускающегося Нагатина. Дождавшись характерного хлопка двери этажом ниже, он бросился в кабинет к Мещерскому.

- Чё этот ментяра хотел! – без стука ворвавшись в кабинет к Мещерскому, спросил возбуждённый Ленчик. – Волчара, че он разнохивает?

- Леонид, выйдите из кабинета и зайдите, как подобает пациенту! – твёрдо сказал Мещерский, после чего Леонид вышел из кабинета и постучал в дверь, стоя в коридоре.

- Войдите! – услышав голос Мещерского, Лёнчик просунул голову в приоткрытую дверь.

- Алексей Павлович, это я.

- Леонид, заходите, - строго сказал Мещерский. – Что у вас?
  - Чё мусор этот хотел?
  - Почему вас это интересует, Леонид?
  - Он про меня вынюхивал? Да!? Говори!
  - Его появление не имеет к вам никакого отношения. Потом, вы же знаете, что этот следователь ведёт дело Замятина, а не ваше. - Мещерский излучал спокойствие и принялся точить карандаш. – Я не понимаю, чем обусловлено ваше возбуждённое состояние.
  - Чем! Ты ещё спрашиваешь, чем! – Лёнчик истерично тряс руками, смотря выпученными глазами на невозмутимого доктора. – Замятин всё знает, он тогда стоял возле двери, он всё слышал, догоняешь теперь! А, догоняешь!?
  - Леонид вы же не в тюрьме. – Нравоучительным тоном ответил Мещерский. - Научитесь говорить по человечески. Пациенты жалуются на вас. Вы нарушаете режим, постоянно курите в туалете, ругаетесь матом и оскорбляете людей. Я пытаюсь добиться вашего выздоровления путём трудовой терапии, но если вам действительно нехорошо, то мы можем ввести в практику медикаменты.
  - Какие медикаменты! Ты чё Ай-Болит, мало что ли на карман получил, а! - Ленчик вёл себя агрессивно: немного присев и широко расставив ноги, он продолжал жестикулировать, как будто находился на бандитской «разборке». – Да я как слон здоров.
  - Хватит, паясничать! – резко сказал Мещерский. – Если ты ещё раз позволишь себе такие выходки я из тебя не слона, а овощную культуру за неделю выращу. Ты даже почувствовать не успеешь, понял!
  - Ладно, чё ты, не гони! – Лёнчик присмирел.
  - Ты, мразь, двоих детей насмерть раздавил с пьяной шлюхой и ещё права качать будешь!
  - Ну чё ты завёлся, Палыч, - Лёнчик почувствовав, что «перегнул палку» в общении с Мещерским.
  - Я выродку твоему деньги могу хоть сейчас отдать и пойдёшь на десять лет тайгу косить! Хочешь?!
- Ленчик не нашёлся, что ответить Мещерскому и, потупив взгляд сел на стул, где получасом ранее сидел Нагатин. Он картинно хлопнул руками по коленям и потряс головой, словно удивляясь и усмехаясь своему положению.
- Во, блядь, попал! – выругался он. – Господи, надо же было так вляпаться, а! Ну, е... твою мать, ну что за херня...
  - И перестаньте ругаться, - Мещерский успокоился и продолжил общение с Лёнчиком на «вы». – Вам сейчас в больнице надо изображать отчаяние... покаяние, в конце концов. Молчать вам надо Леонид больше и с Писанием в руках ходить.
  - Чё как Лазарь что ль? – смеясь, спросил Лёнчик.
  - Да, как Лазарь, - утвердительно ответил Мещерский. - Я уже не прошу вас выдавливать из себя страдания, но хоть не ржать как конь в коридорах вы можете?
  - Подумаешь, над дуриками приколотся пару раз и чё мне теперь, серпом по яйцам что ли...
  - Леонид, если ваш сын готов за вас платить всем, кто может сообщить о вашем настоящем состоянии в полицию, то вам лучше будет в тюрьму сесть. Поверьте мне, здесь и так уже многие на ваш счёт вопросами задаются.
  - А чё за вопросы? У кого вопросы? Ты скажи, я с ними сам перетру.
  - У меня нет времени разговаривать с вами. Идите мойте полы! – Мещерский ударил ладонью по столу.

Мещерский остался один и закурил, обдумывая информацию, полученную от Лёнчика. Тот факт, что Замятин оказался случайным свидетелем передачи денег за

признание Леонида невменяемым после совершения ДТП перемешал все карты Мещерскому.

«Замятин находился в таком состоянии, что выдать эту информацию «на волю» ему было бы непросто, - размышлял Мещерский. – И, скорее всего, этого ещё не произошло. Возможно, в силу своего состояния, Замятин и не понял о чём идет речь, ведь я встречался с сыном Лёнчика и Замятин вряд ли мог его знать. Лёнчик, наверняка паникует, потому что сын, видимо, рассказал ему о случайной встрече с Замятиным и своих подозрениях. С другой стороны, если Лёнчик решился придти ко мне, значит, он боится того, что Замятин смог всё понять, к тому же он какой-никакой, а сотрудник полиции... Чёрт!»

Мещерский выругался, достал коньяк и, выпив бокал, отправился на утренний осмотр пациентов.

Глава 5. Обычная бабища

Основным свидетелем по делу Замятина проходила его сожительница Анастасия Юсупова. Сразу после нападения Владимира она оказалась в больнице с незначительным ранением в плечо. Нагатину предстояло увидаться с ней сегодня и он ждал этой встречи, хотя и понимал, что ничего нового в этом деле он уже не откроет.

Однако требовалось соблюсти необходимые формальности и Нагатин вызвал Анастасию на допрос, отыскав её проживающей на квартире у матери как и предполагал после посещения, оставленного Анастасией дома в Александровке.

Нагатин ожидал её прихода с утра и когда до появления свидетельницы оставалось не более получаса, он еще раз просмотрел фотографии приобщенные к делу, где Анастасия улыбалась и была мила. Задумываясь о её роли в деле и судьбе Замятина, Максим всякий раз испытывал противоречивые чувства. Прочитав материалы дела и, в большей степени, по рассказу соседки Анастасии, Нагатин составил себе представление о свидетельнице и теперь осмысливал это образ. Сидя в кресле и рисуя карандашом на листе бумаги замысловатые геометрические фигуры, выраставшие одна из другой, он в вальяжной манере повествовал вслух свои наблюдения, выдумывая историю провинциальной девушки.

- Анастасия Юсупова 1981 года рождения. Выросла в провинциальном российском городке. Ничем не отличалась от своих сверстников и также как и все мечтала о настоящем девичьем счастье. В 1997 году закончила с отличием школу, уберегла девственность, что само по себе замечательно для российской глубинки и отправилась покорять Москву. Гонимая своим исключительным предназначением и стеснёнными жилищными условиями она надеялась обрести в Москве любовь и всевозможные материальные блага, которых, по собственному разумению, была лишена. Да, да, господа присяжные, это чистая девочка с котомкой в руках, - Максим выставил фотографию Екатерины перед собой, будто показывал её присяжным заседателям в зале суда, - решила вверить себя тому единственному и исключительно достойному человеку с трехкомнатной квартирой и подземным паркингом, а вляпалась в банальную мещанскую историю. Что? – Максим вытянул шею и прищурился, словно не расслышал вопроса из зала. – Что с ней случилось? Зачем вы спрашиваете очевидные вещи. Девочка оступилась на точных дисциплинах и попала на платный факультет. А что делать? Не возвращаться же домой. Мама и отчим только вздохнули, отправив дочку за «счастьем» из маленькой двухкомнатной квартиры и подвести их она не могла.

Устроились с девчонками втроём в одной квартире, а «работали» за шестерых. Институтская жизнь скоро кончилась, с работой не повезло, а честь растратилась на коммунальные платежи и пропитание. Но, прошу, господа, не надо ханжества. Зачем так клеймить девушку? Сами попробуйте выжить в суровом капиталистическом мире. «От каждого — по способностям, каждому — по труду», давайте не будем забывать этот принцип и потом, черт возьми, она нашла в себе силы «бросить всё» и полюбить. Полюбить искренне и навсегда. Пусть без паркинга, зато в пределах МКАД. Пусть не красавец, зато мужик в доме. Чем не замечательный финал истории одинокой провинциалки? Таких успехов и не всякая москвичка за всю жизнь добивается, а вы говорите... - Максим выпил чай, встал из-за стола и начал расхаживать по кабинету, сложив руки за спиной. – Жили они с мужем душа в душу. По субботам Настя ходила в церковь и Бог, не задумываясь, дал им ребёнка и, казалось бы, вот оно счастье, бабаныки! Но... увы, девочка родилась с ДЦП. Страшная аббревиатура в истории болезни ребёнка для любой матери, а уж для отца... и говорить нечего. Отец за пять лет совместной жизни так и не смог оправиться от шока и, терзаясь, вынужден был полюбить другую, ждавшую

сына. Анастасия осталась одна с ребёнком и без квартиры, хоть и была та без паркинга, но в пределах МКАД. Москва не покорила и Настя с дочкой на руках вернулась к матери и отчиму.

Потеряв известную привлекательность в глазах мужчин, прожила она несколько мучительно одиноких лет, казавшихся ей бесконечными. Дочь росла и это, не считая календаря, было единственным изменением в её жизни, которое она могла наблюдать. И вот однажды Анастасия встретила Владимира и так прилась ему по вкусу, что обрюзгший семьянин открыл себя уснувшим чувствам без задних ног. Ах! Как истосковалась она по любви, как устала она быть одной, как хотелось ей тепла, знала только она одна.

Владимир уже через полгода питал к потерпевшей гражданке Юсуповой А.А. самые возвышенные чувства на которые только и был способен. Так, например, он всем сердцем принял дочь Анастасии Дашу с которой «возился» вечерами напролёт как с родной, чем вызывал восторг воспрявшей духом одинокой матери, затаившей надежду на скорое супружество, но...

В дверь кабинета постучали. Нагатин взглянул на часы и вернулся за рабочий стол. Дверь в кабинет открылась. На пороге стояла стройная женщина средних лет с аккуратно собранными в пучок густыми, тёмно русыми волосами. Она была в чёрной юбке и чёрной кофте с высоким воротником. Лицо её показалось Максиму осунувшимся, а карие глаза потухшими, что добавило ей ещё несколько лет. Следователь отметил, что чёрный цвет был ей к лицу и подчёркивал достоинства её стройной фигуры.

Внешне, она напомнила ему Зою, воспоминание о которой он постарался прогнать от себя.

- Можно? – с порога спросила Анастасия и, не дожидаясь ответа, прошла в кабинет, положив плащ и сумку на стул. Анастасия села напротив Нагатина и протянула ему повестку, безразлично рассматривая его кабинет с портретом президента на стене.

- Вы Анастасия Юсупова? – спросил Нагатин, внимательно смотря на свидетельницу.

- Да. Я получила повестку. Это наверное по делу Воло... - она осеклась, не желая произносить имя Владимира, – по делу Замятина?

- Совершенно верно, - утвердительно ответил Нагатин.

- Я не понимаю, зачем? Меня уже допрашивали и я что-то подписывала. Неужели этого недостаточно? – возмутилась Анастасия.

- Почему же, достаточно. Все материалы, как вы видите, - Нагатин приподнял внушительную папку со стола, - приобщены к делу. Однако обстоятельства несколько изменились. Возможно, вы знаете, что Владимир вышел из комы, перенёс операцию и тоже даёт показания.

- Адвокат мне что-то говорил, но какое это имеет значение? Я не понимаю. Он ведь убил Константина, меня только чудо спасло, что ещё тут надо доказывать? Посадить его и всё. Лучше бы он умер, проблем бы меньше было.

- Владимир тоже имеет право на защиту, - Нагатина разозлило такое циничное заявление Анастасии, хотя он понимал, что её гнев был оправданным. – Какого рода были ваши отношения?

- Это что, имеет отношение к убийству? – возмутилась Анастасия. – Причём здесь наши отношения?

- Нам необходимо восстановить психологическую картину преступления, чтобы понять мотивы Замятина. – Нагатин играл «ва-банк» и понимал, что такой вопрос абсолютно не имеет отношения к делу. Однако желание заглянуть за «ширму» преступления и разобраться в себе, возымело верх. – Если вы мне всё расскажете, то вам потом проще будет на суде. Поверьте, я не собираюсь «облегчать» участь Владимира, но для обвинительного приговора нам надо заручиться «железными»

доказательствами его вины. До сих пор у нас есть только один мотив – ревность, а это... в общем, это всегда малоубедительный повод для обвинительного заключения, - Нагатин заметил как Анастасия занервничала и решил продолжить. – Ведь теперь к делу будут приобщены протоколы допросов Владимира и некоторые факты о которых вы сообщали раньше надо будет перепроверить.

- Почему? Вы что мне не доверяете?

- Моя задача не доверять, а проверять, - Нагатин налил кипятка в стакан с чаем. – Вся картина преступления составлена с ваших слов. Не так ли?

- Да, - подтвердила Анастасия. – На что вы намекаете?

- Я ни на что не намекаю, - спокойно ответил Нагатин, размешивая чай в стакане.

- По-вашему, я их что ли...

- Не знаю. Почему нет? – Нагатин наклонился чуть вперёд и пристально посмотрел в глаза Анастасии. – Любовник надоел, Замятин - бывший бесперспективный жених, а тут такая возможность отделаться от двоих сразу.

- Да что вы такое говорите? Как вы могли такое подумать!?

- А что? Почему я не мог такого подумать? В теле Константина Авдеева обнаружены две пули. Секундочку, - Нагатин пролистал дело и показал Анастасии фотографию Константина, сделанную оперативной группой на месте преступления.

- О Боже! - Анастасия отвернулась. – Уберите!

- Одна, как видите в плече, одна в сердце. Медэксперты установили, что именно выстрел в сердце стал смертельным.

- Дайте мне воды. - Анастасия жадно выпила стакан. – К чему вы клоните?

- К тому, что Замятин мог в состоянии аффекта только ранить Константина, а когда тот упал с кровати, то решил, что он мёртв. Я пока не знаю в силу каких обстоятельств Владимир стрелял в себя: струсив или в виде «благородного» жеста, но после убийства Авдеева он выстрелил себе в подбородок. Вы, пользуясь случаем, могли «добить» Константина и намеренно выстрелить себе в плечо, изображая жертву. Чем не версия? Согласитесь, что для такой драматической сцены, вы отделались самым незначительным повреждением, если предположить, что Замятин изначально пришёл убивать именно вас.

- Как вы можете такое говорить! Как! Что вы знаете обо мне, чтобы такое говорить! – Анастасия закрыла лицо руками и заплакала. – Что вам всем надо от меня! Что!?

- Успокойтесь, пожалуйста! – Нагатин встал из-за стола и налил Анастасии ещё один стакан воды. – Вот, выпейте воды и послушайте дальше.

- Что вам всем надо от меня! – повторила Анастасия и сделала несколько жадных глотков. – Что вы все копаетесь в моей жизни! Сколько же можно? Вам своей жизни мало!

- Успокойтесь, пожалуйста. Я понимаю, вопрос неприятный, но ведь на основании ваших показаний установлено, что Замятин сначала стрелял в вас, а потом в Константина и в себя. Я вынужден проверить этот факт, тем более, что у меня есть версия Владимира, - Максим намеренно врал, понимая, что Анастасия в таком состоянии не сообразит предъявить свидетельства Замятина. Он намеренно издевался над Анастасией, но не мог остановиться, пытаясь подвести её к самым унижительным признаниям. - Если посмотреть в каком положении было найдено тело Константина, то следует, что он находился на противоположной стороне кровати в момент, когда Владимир вошёл в комнату и начал стрелять. Вы, значит, находились ближе к Владимиру. Трудно предположить обратную ситуацию, то есть Константин не перелетел же через вас и через кровать? Если вы были ближе, то почему он начал стрелять в него? Странно, правда. Может, вас в этот момент вообще не было в комнате? И тогда вы могли совершить то, о чём я говорил раньше.

- Вы всё переворачиваете с ног на голову, я не понимаю, зачем? – задыхалась Анастасия. – Мы были с Костей, он ворвался и сначала выстрелил два раза в него, потом в меня, потом в себя.

- То есть Замятин, учитывая его состояние, смог адекватно расценить, что Константин не убит с первого выстрела и добить его. Почему же он тогда оставил вас живой? Он ведь также мог удостовериться, что ваше ранение было не смертельным и... извините.

- Это какое-то безумие! – Анастасия обхватила руками голову. – Безумие...

- Анастасия, такие же вопросы может задавать адвокат Замятина. Вы что же и на суде будете себя так же вести? Вам никто не поверит, поэтому я и прошу вас рассказать мне всё до мельчайших подробностей.

- Что вы хотите узнать? Как я любила Владимира и ждала его каждый день, а он приходил, когда он, видите ли мог, когда у него было время. Сколько я должна была его ждать? Ждать и обслуживать, ждать и обслуживать. Сколько? – Анастасия резко изменилась в лице и поставила стакан на стол.

- Разве вы не любили его?

- Любила... - Анастасия истерично засмеялась. – Какое это теперь имеет значение, какое? Скажите мне?

- Зачем вы были с ним, ведь он искренне любил вас?

- Где она эта любовь, в чём? Я просила его быть со мной, стать моим мужем и что? Что я вас спрашиваю?

- Мы сейчас не о том говорим, - Нагатин почувствовал, что с Анастасией случится истерика.

- Не о том! А о чём? Вы же хотели узнать, какие у нас были отношения!?

- Хотел, но...

- Что «но»! Что «но»! Он каждый раз уходил к себе в семью, а я! Что, по-вашему, должна была делать я? У меня, что права на счастье нет? Не заслужила? - Анастасия говорила не останавливаясь и уже мало обращая внимание на следователя. - Дашка, каждый раз спрашивала меня и плакала, как только его с утра не находила. Зачем это все? Зачем он мучил меня и ребёнка. Я, что всю жизнь отдушиной должна быть кому-то? Что мне с его любви? - Анастасия вытерла платком слёзы. – Хватит с меня этой любви?

- Видимо Авдеев не мучил ни вас, ни ребёнка. Видимо, он обещал жениться и заботиться о вас и о Даше? – саркастически спросил Нагатин.

- Это не твоё дело, понял!

- Хотите знать, что рассказывал о вас Константин своим друзьям и, что толкнуло Владимира на совершение преступления, - Нагатин наблюдал за плачущей Анастасией, нащупав её самое уязвимое «место».

- Я не хочу ничего слышать! Я не хочу ни о чём говорить! Хватит с меня ваших допросов! Я хочу уйти! – Анастасия встала. – Подпишите повестку.

- Я не закончил, у меня ещё есть вопросы...

- Подпишите повестку! – чуть не крича, сказала Анастасия. - Я всё сказала!

Жёсткий взгляд Анастасии охладил Нагатина и он подписал повестку, едва успев сказать, уходящей свидетельнице, о необходимости дополнительной встречи. Анастасия, не оборачиваясь, быстро вышла из кабинета громко хлопнув дверью. Нагатин подошёл к окну заметил её в объятиях мужчины, по всей видимости, ожидавшего её на протяжении всего допроса. Мужчина обнял её за плечи и пытался успокоить. Анастасия плача уткнулась ему в плечо и уже через мгновение они сели в автомобиль и уехали, оставив Нагатина в глубоком раздумье.

Нагатин нехотя скатился к размышлениям о себе. Рассматривая в окне лениво начинающийся осенний дождь, он задумался о судьбе этих людей, оказавшихся в таком жизненном водовороте страстей.

«Зачем всё это случается с людьми? – размышлял Нагатин – Судьба? Какая судьба, что это за судьба, если теперь до конца жизни, они разрушены этой судьбой, этим страшным провидением. Плата за любовь? Как говорил старик, плата за счастье? За какую любовь, за какое счастье? Что движет ими... что движет мной? Что?»

Нагатин сел за стол и продолжил размышлять вслух, словно пытался убедить себя в разумности своих противоречивых размышлений.

- Я ненавижу человека, которого любил ещё месяц назад. Этот не смог выбрать и чокнулся: пришёл убить любимую женщину с которой построил дом, а она просто хотела семью... хотела семью и притащила к себе другого мужика. Зоя просто всегда любила этого мудака Мишу, а я был её Костиком на год. Может и нет тут ничего глубокого, скрытого, таинственного. Может, я просто выдумываю эту хрень и застрял в ней. Нет никакой судьбы, никакого Бога, никакого черта. Может и прав Лазарь, человек лишён права на любовь и не может быть счастливым как сам того желает?

Нагатин выпил глоток чая, посмотрел на серое окно и, вспомнив слова Рябкова о Зое, произнёс.

- Обычная бабища с переломанной судьбой...

Глава 6. Свободный человек

Неделя выдалась не лёгкой и Максим с нетерпением ждал выходных дней, которые он по обыкновению проводил в одиночестве. Все надежды на отдых в одночасье "перечеркнул" телефонный звонок от супруги бывшего сослуживца. Захлёбываясь слезами она сообщила о смерти мужа и просила быть на похоронах в воскресенье. Почившего сослуживца Нагатин не видел последние два года и находился не в том настроении, чтобы пойти, но и отказать вдове не было никакой возможности.

В воскресенье стояла удивительно теплая и сухая погода, которая порой случается в сентябре, когда за бесконечными дождями утрачивается даже воспоминание об ушедшем лете. Нагатин прибыл на кладбище заранее, отказавшись от поездки в морг, где и по долгу службы бывал скрепя сердце. Оставив автомобиль недалеко от центрального входа на городское кладбище, он прямо со стоянки спустился по грубым бетонным ступенькам на центральную аллею. Максим осмотрелся и сразу заметил нескольких знакомых возле небольшой часовни, но подходить к ним не стал. Ему совершенно не хотелось ни с кем общаться сверх того, что предстояло сказать за поминальным столом. Решив избежать встречи с товарищами, Максим не раздумывая, свернул на небольшую асфальтированную дорожку, ведущую вглубь кладбища, оставшись незамеченным.

Старое городское кладбище по всей окраине окружал лиственный лес. Лес угрюмо шумел нарядной листвой, часть которой скидывал при каждом дуновении ветра, разбавляя смиренную тишину погоста.

Максим медленно шёл по дорожке, рассматривая множество заброшенных и неухоженных могил. Как и всякий человек, посещающий кладбище, он испытывал неповторимый трепет и волнение, наслаждаясь тем, что жив и лишь мимолётно задумывался о своей предстоящей участи, рано или поздно постигающей каждого из людей. Он вспомнил, как нечто подобное переживал в Пасху, когда они с матерью посещали могилу деда. В такие дни на кладбище всегда было многолюдно и суетливо, отчего смерть казалась совсем далёкой и уж никак не пугающей задорного мальчишку.

Услышав карканье, Нагатин остановился и задумчиво посмотрел на небольшую стаю чёрных воронов, круживших вокруг могил и крестов.

«Я ей этого желал? – спросил себя Максим и пнул ногой ком земли, сойдя с асфальтовой дорожки. – Ведь это она, та самая смерть, вот она. Этой смерти я ей желал... я же всем сердцем желал ей смерти, настоящей смерти, вот как здесь под каждым крестом...»

На Максима почти физически «нахлынуло» чувство раскаяния и испуга... Он не мог дать точного определения пережитому, но понимал, что в эти несколько мгновений начал иначе воспринимать и осмысливать происходившие с ним события последнего месяца. В одночасье многое из пережитого стало второстепенным, малозначительным пред тем, что жизнь и судьба со всеми её жерновами имеет такой непостижимый и, вместе с тем, банальный финал.

Нагатин сделал несколько шагов в сторону от дорожки и продолжил движение по узкому проходу между оградами могил. Пробираясь между рядами он рассматривал скудные убранства захоронений: серые фотографии на памятниках и крестах, бесцветные пластиковые цветы, позеленевшие от дождевой воды и грязи лампадки, некогда оставленные родственниками...

«Все эти забытые Богом люди... они же тоже любили, лгали, каялись и грешили, молились и проклинали. Многие были брошены или бросали сами. Каждый искал любовь в другом, а теперь... Что теперь могут все эти отжившие своё «рабы праведности»? - Максим вспомнил слова Лазаря. - Что они могут сказать друг другу

теперь где-то «там», где уже ничего нет. Какой вообще во всём этом смысл, если их словам, мольбам цены нет... если уже не солгать и не простить...»

Максим открыл для себя что-то важное, но ещё не понятное, что-то глубокое, долгожданное и выстраданное.

- Свобода? - тихо произнёс он, боясь ошибиться. – Может быть, с этой чёртовой любовью я потерял свободу?

Мысль о свободе проникла в сознание Максима и эйфория от собственного «открытия» немедленно охватила его, словно он отыскал ключ к выходу из многодневного тупика. Преисполненный энергии он развернулся и решительно направился к часовне.

- Свобода! Я, просто, был несвободен! – Все события последнего месяца «выстроились» в его сознание в единый, «правильный» ряд. Максим «кликнул». - Нахрен я забиваю себе голову всей это хернёй. Пусть живут, как хотят. Пусть делают, что хотят. Чёрт с ними со всеми. С этими Лазарями и Замятиными на кой чёрт они влезли в мою жизнь... пошли они все нахер! Закончу дело и никогда этих идиотов больше не увижу... - Максим закурил и тут же продолжил движение, негромко и «твёрдо» говоря вслух и убеждая самого себя в очевидной глупости своих мучений. – А эта сука! Надо же было так вляпаться, а! На всём белом свете отыскать такую мразь. Тьфу! Потратить целый год жизни просто так, ради этой твари. Баб что ли мало!? Жил я без неё всю жизни и хер бы с ней. Не нужен я ей, да пусть она живет с кем хочет, какая мне разница. Нравится ей этот толстый мудака, так пусть она и... Уроды!

Нагатин зашагал ещё быстрее, поняв, что значительно отдалился от часовни. Необузданная ненависть и ярость, подобная той, что он испытал в лесу, вновь вернулась к нему.

- Письма ей писал. «Любимая моя девочка», вот тебе про любовь, вот про надежду, про верность... Охренеть! - Максим окончательно провалился в самые глубины своего воспалённого сознания, откуда доносился надрывный крик. – Мудак! Какой же я мудака. Представляю, как она смеялась... вот уж поржала, так поржала, сука!

Посыпавшиеся из уст Максима самые омерзительные и низкие проклятья, прервал вызов мобильного телефона.

- Да, привет... иду я, иду. Я уже здесь, - оправдывался Максим, ответив на вызов, - отошёл цветы купить, сейчас буду.

Нагатин возбуждённо подбежал к торговцам цветами на небольшой площади возле часовни и купил десять гвоздик. Сунув дорожной бабе тысячную купюру Максим, позабыв о сдаче, проследовал в часовню, куда заходили последние люди, крестившись перед входом. Максим сложил пальцы правой руки и поднёс их ко лбу. Искоса он посмотрел на невысокого, сгорбленного старика, стоявшего на ступеньках, который перекрестился и согнулся в низком поклоне. В его крестном знамении была такая искренность и сила, что Максим устыдился своего жеста и следующим движением открыл тугую дверь часовни, войдя в небольшой зал, где едва уместались родственники и друзья покойного. Оставшаяся за дверью осенняя свежесть сменилась умиротворяющим ароматом ладана и запахом свечного воска. Посредине зала, освещённого свечами, стоял гроб с телом усопшего. Во «главе» гроба стоял батюшка с жидкой рыжей бородой и кадилом в руке, за спиной которого Максиму и удалось пристроиться.

Батюшка встал за потёртый раскладной аналой и, поправив ризу и крест, приготовился к чтению псалтыря. С первыми словами торопливой молитвы, Максима потянула за руку старушка, замотанная в мохеровый платок и вручила ему свечку, после чего незаметно исчезла среди людей и появилась за небольшим прилавком со свечами, иконами и книгами.

Батюшка быстро и заученно тараторил молитву, замедляя её мелодичный темп лишь при произнесении слов «Господу помолимся» и «Аминь». В эти мгновения он говорил отчётливо и внятно, совершая беглое крестное знамение.

Нагатин оглядел дежурную скорбь присутствующих и попытался принять такой же вид, что стоило ему определённого труда: испытанный прилив гнева никак не позволял ему успокоиться. Он попытался избавиться от своих мыслей и прислушаться к словам батюшки, но потом отвлекся и начал рассматривать иконы и церковную утварь, которой изобиловала маленькая часовня. Святые лики в золотой оправе вопрошающе «смотрели» на него. Максиму стало не по себе. Уже через несколько минут речь батюшки превратилась в монотонный звук, а иконостас, свечи и позолоченная церковная утварь «слились» в неразличимый золотой глянец. В душе его бушевала ненависть, а в голове хаотично звучала какофония «заупокойной» и неосознанно произносимых им проклятий. Максим пытался усмирить в себе страсти, но волнение переполняло его и тогда он, в необъяснимой надежде, поднял глаза вверх, как тогда в лесу после смерти пса и посмотрел под купол часовни.

- Прости, - незаметно прошептал Максим и, почувствовав, как у него закружилась голова, прислонился спиной к массивным дверям, боясь потерять равновесие. – Прости меня...

Отпевание вскоре закончилось. Батюшка затушил свечу в руках покойника и пригласил собравшихся проститься с новопреставленным. Максим был последним, кто подошёл к гробу, после чего батюшка накрыл тело покрывалом и крестообразно посыпал его землёй.

- Господня земля и исполнение ея, вселенная, и вси живущие на ней... - скорбно сказал батюшка. Гроб накрыли крышкой и рядом с Максимом появилась суетливая старушка в мохеровом платке. Она привычным движением задвинула в угол подсвечник, сложила аналой и обратилась к Нагатиному.

- Сынок, давай, ставь свечку всё уж кончилось...

Погребение прошло уныло и быстро, и уже через час все приглашённые находились за поминальным столом в ресторане, где в отдельном банкетном зале были организованы поминки. К пяти часам вечера Максим, просидев все поминки молча, решил уйти и, сказав несколько стандартных утешительных слов вдове и родственникам, вышел из мрачного зала с завешанными окнами.

- Максим, здравствуйте! – Нагатин почувствовал, что кто-то очень уверенно подхватил его за локоть. – Вот так встреча!

- Алексей Павлович, - Нагатин обернулся, не ожидая встретить Мещерского в ресторане.

- А вы здесь... - Мещерский вопросительно улыбаясь, посмотрел на Максима.

- Да я... в общем, мероприятие у нас было с коллегами, - ответил уставший Максим.

- Слушайте Максим, может, присоединитесь ко мне? – предложил Мещерский. – Пообщаемся, время ещё раннее. Я и горячее ещё не заказывал. Как вы на это смотрите?

- Я так устал сегодня. Понимаете и потом...

- Послушайте, сегодня воскресенье, завтра опять на работу. Вы в свой дурдом, я в свой, - Мещерский засмеялся. – Давайте посидим. Ну, Максим решайтесь... пойдёмте.

Нагатин чувствовал подавленность и усталость после поминок и «срыва» на кладбище, но предложение Мещерского он решил не отвергать, тем более что альтернативой было вновь напиться в своей квартире и, в лучшем случае, оказаться в обществе Рябкова.

- Официант! - Мещерский подвёл Нагатина к столу и заправски «щёлкнул» пальцами. Вмиг появившийся молодой парень принял заказ на мясное ассорти и салат.
- Вы кого-нибудь ждёте? – спросил Максим, обратив внимание на сервировку стола.
- Да, но это случится чуть позже. Сейчас я, как видите, прозябаю в одиночестве, - Мещерский разлил коньяк по бокалам. – Ну, что выпьем за хорошее настроение?
- Давайте, попробуем. - Максим заметил, что бутылка была початая. Мещерский уже успел выпить несколько бокалов, чем и объяснялось его хорошее расположение.
- Шикарный коньяк, - Мещерский немного сморщился. – Великолепно. Чувствуете?
- Согласен, - Максим посмотрел на бутылку и отвлёкся на этикетку, когда принесли закуску и салат.
- Максим, вы не обижаетесь на меня за альбом? - Мещерский был лёгок в общении и находился в прекрасном настроении, которое отчасти передалось хмурому Максиму.
- Да нет, ерунда. Я, наверное, поступил бы также, - Максим миролюбиво улыбнулся, - хотя отбрили вы меня крепко.
- Извините ещё раз. Порядок есть порядок. - Мещерский откинулся на спинку стула и закурил, окинув зал оценивающим взглядом. – Кстати, неплохой ресторан. Я здесь бываю пару раз в месяц. Кажется, здесь можно раствориться и отдохнуть. – Мещерский стряхнул пепел.
- Да, вы правы. Я недалеко живу и раньше тоже здесь бывал. – Максим тоже закурил. - Как дела у Замятина? Ему лучше?
- Никак. Ничего, видимо с его памятью у нас не получится. По крайней мере, в ближайшее время. - Мещерский затушил сигарету и положил в тарелку мясную нарезку. Он продолжил разговор аккуратно разрезая и без того тончайшее карпаччо, на маленькие кусочки, которые тут же отправлял в рот. – Даже, если что-то «выгорит» в полном объёме воспоминания вряд ли вернутся. А что?
- Дело пора заканчивать, а пока нет ни заключения экспертизы, ни показаний, то и... в общем, мне сейчас эти задержки ни к чему.
- Ещё не известно, чем закончится ситуация с гипертоническим кризом, поэтому о сроках говорить сложно. Я же не зря запретил вам видеться с ним. Здоровье у него оказалось не очень, особенно по части сосудов. Вы, кстати, встречались с его сожительницей? - Мещерский перестал жевать, пытаясь вспомнить её имя. - Настя, да? Её, кажется, звали Анастасия?
- Да, встречался. – Максим нахмурился, вспомнив визит Анастасии.
- И что она? – Мещерский на мгновение перестал жевать, увидев недоверчивый взгляд Нагатина. – Максим, если я излишне любопытен, то вы можете и не распространяться. Тут без обид, я всё понимаю. Мы же профессионалы.
- Там и распространяться особо не о чем. Типичная «бытовуха». Шекспир, как говорит мой сосед. Если бы не «огнестрел» и Замятин не был бы ментом, то, я думаю, к нам в контору дело бы и не попало. - Нагатин разлил коньяк по бокалам, - Я то сначала решил, что там были замешаны чувства, но складывается впечатление, что каждый эксплуатировал партнёра в своих интересах. Она обыкновенная молодая баба, мечтавшая о семье и замужестве. Он обыкновенный семейный мужик среднего возраста, мечтавший о молодой бабе. Встреча их была неминуема, - Максим усмехнулся и выпил коньяк. – Собственно, когда она поставила вопрос «ребром», он отказался. Тогда она вышла на новую охоту и встретила Константина, который стал разменной монетой в этой игре. Хотя, может быть любовь и была в самом начале, я ещё не разобрался...
- Любовь! - Мещерский громко засмеялся, чем обратил на себя внимание нескольких посетителей ресторана. Заметив это, он извинился вежливым кивком и обратился к Нагатиному. – Максим, вы серьёзно? От человека вашей профессии и вашего возраста мне странно слышать такие вещи. Мы же взрослые люди, неужели вы ещё не

поняли, что в мире нет никакой любви и нет того великого замысла или существа, который одарил бы нас любовью, счастьем и ещё чёрт знает чем? Да и сами эти эфемерные понятия не более чем пустой звук, произносимый нами время от времени. Это же очевидно!

- Я не готов так сразу ответить, - Нагатин растерялся от такого неожиданного поворота разговора.

- Я вам сам отвечу, но сначала скажу, что вы абсолютно точно заметили их обоюдное желание «эксплуатировать» друг друга. Замечательное наблюдение, хотя больше относящееся к женщинам. Эксплуатация своего тела для достижения целей - это, в общем, их стезя. - Мещерский усмехнулся.

- Но я, всё равно окончательно не отрицаю, наличия между ними душевной связи.

- Душевной связи... хм, возможно, но поверьте мне, - Мещерский принял важный вид, - я психиатр и каждый день на протяжении многих лет сталкиваюсь лишь со страданиями плоти, именно плоти. Не подумайте, что я ошибся. Я прекрасно понимаю, что никакой души не лечу. Её просто нет, Максим, её не существует. У человека есть только разум: слабый, сильный, угнетённый, какой угодно, но разум. Физиологически это мозг, понимаете? - Мещерский ткнул себя пальцем в лоб. - Поэтому я не очень верю в «душевные связи».

- Понимаю. - Максим слушал Мещерского, который уже захмелел и хотел «выговориться».

- Басни о сердце и душе - абсолютно бредовый вымысел поэтов и попов. - Мещерский увлёкся собственным монологом и жестикулировал. - Они обвиняют разум во всём, оставив лишь душе все добродетели. Почему?

- Не знаю, я никогда не задумывался об этом. - Пожав плечами, ответил Нагатин.

- Почему разум не может порождать сострадание, доброту, заботу? Мне, что надо иметь специальный орган - душу, чтобы помочь больному человеку или покормить бездомного пса, простите за примитивные примеры.

- Нет, не надо, - согласился Нагатин. - Душа, наверное, нужна, чтобы чувствовать, любить другого человека.

- Какого другого? - Мещерский в удивлении поднял брови и наморщил лоб. - Максим, извините, я не понимаю.

- Например, «ближнего своего», - иронично сказал Нагатин, но его слова нашли совершенно неожиданный отклик в Мещерском.

- Много вы любили тех, кого отправили за решётку?

- Это другой вопрос.

- Почему же? - Мещерский улыбнулся.

- Вы передёргиваете.

- Вовсе нет. Я в больнице, «ближних своих» не очень люблю, а порой так и совсем наоборот, - Мещерский улыбнулся, - а ведь любить их и есть наша христианская ноша. Хотя по большому счёту, мы любим только тех из наших ближних, которые не мешают нам жить и у кого меньше всего проблем. Нам нравится любить их сидя в тёплом кресле в домашних тапках и не более того.

- Ну, хорошо, - Нагатин «отступил». - Хорошо, пусть душа порождает чувство к женщине. Это ведь неоспоримо!

- Это вообще чушь, извините. Любовь это химическая реакция, в результате которой ваш мозг получает импульс в виде возбуждения самого старейшего из инстинктов - размножения. И так происходило испокон веков или вы думаете, что невероятная божественная десница соединяет одинокие души?

- Нет, но...

- Да вы возьмите хоть эту Анастасию. Молодая, здоровая женщина с ребёнком инвалидом на руках, годами ждёт принца с «золотыми яблоками». Ни вы и даже не я никогда не сможем понять человека, одиночество которого с каждым днём

превращается в безысходность. Ведь это не то одиночество, когда мы вдруг решаем отдохнуть от окружающих на рыбалке, это ежедневно теряющийся смысл жизни. Анастасия прекрасно это осознавала, но не хотела с этим мириться. Такие женщины уже не ищут ни родственных душ, ни принцев. Такие женщины сметают всё на своём пути ради придуманного «счастья».

- Возможно, вы правы, но в целом мне кажется, что вы немного преувеличиваете.

- Полтора года назад у меня была пациентка, которая сбросила с седьмого этажа двоих детей. Чудовищно, но случилось это после того, как её новый друг не решился жить с ней и воспитывать их. Они стали ей обузой.

- Я помню этот случай.

- Так вот она одела их, умыла, причесала, вышла на балкон и поочередно столкнула. Одному было семь лет, другому пять. Представьте глаза второго ребёнка, который уже всё понял...

- Её признали душевно больной.

- Эта женщина каждое воскресенье ходила в церковь. А! Как вам? Готов поспорить, что и Анастасия вымаливала по выходным дням себе счастье.

- Да, Анастасия ходила на службу каждое воскресенье, но нельзя же так равнять всех под одну гребёнку.

- Вот видите, что я вам говорил, - Мещерский самодовольно улыбнулся. - Я вам расскажу суть вашего дела по существу и без лирики. Анастасия, безусловно, хотела замуж для создания своей семьи и в этом нет ничего предосудительного. Я не ханжа и не моралист. Замятин, полноватый, обрюзгший и неинтересный мужчина с почти полувековым жизненным багажом за спиной. Случайная встреча, красивая молодая женщина, поплакался о семейной жизни, она услышала и поняла... закрутилось. Анастасия мила и всякий раз ждёт его появления, а он мчится на «крыльях любви». Плюс замечательный секс о существовании которого он уже к своим годам и забыл.

- Верю, - Нагатин ожидал версию развязки дела от Мещерского..

- Предположу, что так стало тянуться годами, причём годы Замятина наполнились «жизнью», а годы Анастасии безысходностью.

- Да, но они построили дом и собирались жить вместе, - возразил Нагатин.

- Строительство дома это всего лишь совместное времяпрепровождение, досуг, если хотите. Что-то ведь должно было объединять их? Между плотскими занятиями надо ещё о чём-нибудь говорить, - Мещерский налил коньяк, – а когда тема дома была закончена, Анастасия потребовала: «Женись!» с ужасом понимая, что стала старше ещё на несколько лет.

- И что же, по-вашему, решил Замятин?

- Замятину и дома было тепло, зачем жениться? Он пообещал её любить вечно. В ответ Анастасия немедленно отправила его в отставку и правильно сделала. Надо было вообще это всё раньше разрешить. Теперь жизнь Владимира стала тоскливой и пустой, собственно, такой, какой и была до встречи с Анастасией.

- Продолжайте.

- А что тут продолжать? – удивленно спросил Мещерский. – Под руку ей попался этот конь Костик. Вы правы, действительно, этот бедолага настоящая жертва. Костик дал ей то, что Замятину уже было не под силу. С ним она ничего и не строила и не планировала, с ним она просто была обыкновенной, желанной женщиной и всё. Замятин узнал, психанул и перестрелял всех кого смог. Удивительно, что погиб только один ни в чём неповинный Константин, вам не кажется это злой шуткой?

- Замятин и себя хотел убить, вы же не будете это отрицать, Алексей Павлович.

- Струсил, того что совершил, а потом испугался и за свою жизнь. Хотел бы наказать Анастасию, то в неё бы не стрелял, а после Константина сразу бы покончил собой.

- Вы уверены?

- Та пациентка, которая убила своих детей тоже хотела покончить собой, но у неё почему то не получилось, - Мещерский сказал последние слова иронично и выпил коньяк. – Вот такая скучная и банальная история, гражданин следователь.

- Увы, - Нагатин тяжело вздохнул.

- Поэты и попы придумали любовь для себя, чтобы оправдывать своё бессмысленное существование, а не моё, ваше или Замятина. В «нашей» истории нет ни шагов судьбы, ни высокопарных чувств, ни сеющего повсюду любовь Бога. Есть только тотальная несвобода человека, подчинённого влечениям, инстинктам. Живут так всю жизнь люди, не поднимая головы под гнётом самих себя...

- Алексей Павлович, более мрачной картины мира, я ещё не слышал.

- Ну, она, по крайней мере, честнее иных писаний, за обложками которых прячутся миллионы людей. – Мещерский пронзительно посмотрел на Максима. - Я хочу умереть свободным человеком Максим.

- А каким человеком вы хотите жить? – после этих слов Нагатина Мещерский опустил глаза и нахмурился, молча разлив последний оставшийся в бутылке коньяк по бокалам.

- Я рад нашему знакомству Максим, - Мещерский поднял бокал и выпил, посмотрев на часы.

- Вот и я тоже не знаю... - Максим сунул руку в карман куртки и достал кошелёк. – Спасибо за вечер, сколько я должен?

- Перестаньте Максим, я же пригласил вас сам и это ни к чему, - сказал Мещерский, увидев намерение Нагатина заплатить. – Потом я не уйду... минуточку, извините.

Мещерский ответил на телефонный звонок и тут же встал обернувшись лицом ко входу в основной зал ресторана. Он помахал рукой вошедшей в зал роскошной брюнетке в длинном кожаном плаще. Глубокое декольте и выделяло её среди других посетительниц ресторана. Брюнетка подошла к Мещерскому и, поздоровавшись, присела за столик.

- Максим, это...

- Диана, - сказала девушка.

- Да, Диана, познакомьтесь.

- В другой раз, - Максим наклонился к Мещерскому и спросил. – Хотите знать, как вас называет Лазарь?

- Как?

- Человек с зашитой душой, - Нагатин улыбнулся. – А старик всё-таки не такой уж и сумасшедший, согласитесь? До встречи...

Нагатин развернулся и покинул ресторан, не дав возможности сказать что-либо удивлённому Мещерскому, на шее которого «повисла» Диана.

Глава 7. Галоперидол

Максим проснулся около пяти часов утра. Открыв глаза, он направился на кухню и налил чашку кофе с молоком, желая избавиться от отвратительного привкуса алкоголя. Голова была ясна, несмотря на «приличное» количество выпитого коньяка накануне. Максим закурил, устало и бесцельно смотря в окно, за которым властвовала утренняя тьма, разбавленная мокрыми пятнами редких городских фонарей.

Впервые за последний месяц Нагатин не испытывал противоречивых и мучительных эмоций. Он был пуст и спокоен, осознавая, что его «спокойствие» сейчас самое хрупкое и непродолжительное состояние. Максим почти точно знал, что с наступлением нового дня ему не избежать «крайностей», которыми изобилвала в последнее время его жизнь, поэтому боялся углубляться в размышления, наслаждаясь тишиной, которая случается иногда по утрам: город ещё не стонал под натиском нового дня, а большинство горожан лишь ожидало пробуждения.

Максим посмотрел на спящие во мраке осени дома, представляя, что сейчас где-то там спит его любимая Зоя, где-то просыпается «свободный человек» Мещерский, где-то безнадежно ропщет на Бога Лазарь, где-то сытно храпит Рябков со своей Риткой, а где-то терзается Замятин и ...

Максим остановился на мысли о Замятине и ещё раз оценил свои планы, намереваясь реализовать задуманное уже сегодня. Словно пытаясь не забыть какие-либо мелочи, он бегло проговорил последовательность действий, загибая пальцы на руке, и отправился досыпать оставшиеся несколько часов до начала дня.

Окончательно проснувшись к восьми часам утра, Максим быстро собрался и отправился пешком за автомобилем, который оставил вчера возле ресторана. Шагая по сырому городу, он размышлял над делом Замятина. Максиму было глубоко плевать на то, что придуманное им «спасение» Замятина противоречило уголовному кодексу. Профессиональная этика, впрочем, как и попираемые им общечеловеческие нормы и правила, остались теперь далеко на кладбище его прошлой жизни, потерявшей всякий смысл.

- Алексей Павлович, здравствуйте! – Максим позвонил Мещерскому, намереваясь поставить его в известность о своём визите. - Это Нагатин.

- А-а, Максим, здравствуйте! Рад слышать, - бодро ответил Мещерский. – Славно мы с вами вчера пофилософствовали? Как вы себя чувствуете?

- Всё нормально. Коньяк был отличный, поэтому я и чувствую себя хорошо, - Нагатин продолжил, не оставив Мещерскому возможности ответить. - Алексей Павлович, мне сегодня необходимо увидеться с Замятиным. Это займёт не более часа. Это очень важно и я просил бы вас, позволить мне...

- Максим, Замятин очень плох, - ответил Мещерский, перебив Нагатина. - Сегодня с утра я получил томографию и... в общем у него был микроинсульт и самое главное, обнаружена гематома. Гематома незначительная и пока не прогрессирует, но это всё-таки очень нехороший звонок.

- Гематома, - удивился Максим. - Как это случилось?

- Я сейчас не могу точно сказать. Скорее всего, последствия ранения в голову. Это кстати, во многом объясняет его нестабильное самочувствие в последнее время.

- Всё-таки, ответьте, я смогу с ним увидеться? Обещаю, что это не займёт больше часа, - настаивал Максим.

- Хорошо, приезжайте, что-нибудь придумаем. Жду вас, - Мещерский завершил вызов и многозначительно посмотрел на Лёничка, сидевшего в кабинете и внимательно слушавшего весь разговор.

- Это чё, значит, он сам концы отдаст? – с надеждой спросил Лёнчик. – Если сам, то это хорошо, нам с тобой мараться не придётся.
- Нам с тобой? – с удивлением повторил слова Лёнчика Мещерский и «одел» привычную маску непонимающего человека. - Вы о чём Леонид?
- Слушай сюда Айболит, - Лёнчик подвинул стул к Мещерскому и склонился над столом. – Мои пацаны тебя по старым делам пробили и... я балдею, да ты ведь сучара мокрушник не хуже меня. Я то хоть бухой, по дурости попал. С меня один спрос, а вот ты... ты их, как это правильно, преднамеренно завалил?
- Ты убил двоих детей. О чём ты говоришь? – резко ответил Мещерский, пристально смотря на смеющегося Лёнчика.
- О, гляди, какой сочувствующий нашёлся. Заплачь ещё! – грубо сказал Лёнчик. – Чё же ты тогда бабки взял и меня отмазываешь? А? Или что, деньги не пахнут?
- Что!? – наигранно возмутился Мещерский.
- Да ты не рисуйся тут! Ты не девица я не прокурор, - Лёнчик почувствовал, что «взял» Мещерского за живое. – Ты чё думал, я лох беспонтовый и ты меня разведёшь? Не-ет, ошибаешься. Я с такими ворами сидел, что ты и представить не можешь. Тебе на районе каждая тварь скажет, кто такой Лёнчик? Не веришь? Иди, спроси у кого хочешь.
- Ты что несёшь?
- Расскажи, как у тебя в 2006 двое придурков один за другим зажмурились, а? Один повесился, а у другого сердце не выдержало. Так было? – Лёнчик набычившись посмотрел на Мещерского. – Чё, нечего сказать? Так может ты ему этот приступ сердечный таблетками своими и организовал, а второго подвесил? Из меня кочан капуста хотел сделать, а этих чертей так сразу на тот свет и отправил!
- Я не понимаю о чём ты говоришь.
- Понимаешь, всё ты понимаешь. По глазам вижу, что понимаешь, - с ехидной улыбкой произнёс Лёнчик. – Думаешь, как я узнал? Сейчас за бабки в ментовке правильным людям любую справку дадут. Санитары то твои уж два года как откинулись. Знаешь, какое у тебя про между ними погоняло? Галоперидол! В общем, ребятки мои с ними потолковали и... продолжать?
- Что ты хочешь? – Мещерский «выходил» из себя, но старался сдерживать бурлившие эмоции.
- Я хочу чтобы ты узнал всё, что натрепал Замятин этому следаку? - Лёнчик озлобился. - Чё он всё ездит к нему, если он нихера не помнит. Допросы, расспросы, фуфло это всё, я чувствую? Когда эти два мента споются, поздно будет.
- Что значит споются? – спросил Мещерский.
- Слушай святоша, - грубо сказал Лёнчик, - хватит из себя целку строить. Ща он тя этому следопыту вложит и ты по-другому запоёшь. Я то на крайняк с ворами на зоне как дома буду, а ты? Ты чё, думаешь, будешь там вот таким фраерком в белом халате расхаживать и бабло с земли поднимать? Да тебя там пацаны ещё на прописке определяют ...
- Хватит! Ничего ему Замятин не говорил, сколько раз повторять!? Я говорил с Нагатиным, он ни разу не интересовался тобой, - Мещерский задумался над словами Лёнчика, вспоминая историю с квартирами, которая неминуемо бы всплыла, начнись в отношении него расследование.
- Слушай сюда, лекарь, - лицо Лёнчика исказилось. – Сейчас мои пацаны стараются, чтобы родня на мировую пошла и мне лишние проблемы ни к чему. Если договорятся, я отсюда снимусь и мы с тобой никогда больше не увидимся. А если Замятин всю мазу сорвет из-за тебя, то... ты только одно запомни, что мы с тобой повязаны и я тебя, сука, спалю первого, если что. Понял, Галоперидол?

- Леонид, - Мещерский наспех обдумал дальнейшие действия и, совладав с собой, продолжил в присущей ему спокойной манере. – У Замятина сейчас и без тебя проблем достаточно. Что он может рассказать, если ему самому светит десять лет. Кто ему поверит? Нагатин? Не думаю, он сам чудаковатый малый.

- Чудаковатый! – возмутился Лёничик. – Эти чудаковатые и «шьют» потом дела. Ты не врубаешься?

- В конце концов, Леонид, ты же с ним в одной палате и прекрасно видишь, какое у него состояние. Да ему сейчас не дай Бог лишнее движение совершить или наклониться неудачно... считай всё, повторный insult и привет. Так-что не приставай ко мне больше со своими навязчивыми подозрениями и поверь, что он ничего не понял из моего разговора с твоим сыном.

- Повторный insult... - Лёничик задумавшись повторил слова Мещерского и внимательно посмотрел ему в глаза, пытаясь понять истинный смысл сказанного.

- Можешь идти, на сегодня хватит. - Мещерский источал спокойствие и холодность.

Оставшись один, Мещерский встал из-за стола и подошёл к окну, размышляя о вероятных сценариях развития событий с Замятиным и, взвесив их возможный исход, убедился в том, что остановился хоть и на спонтанном, но правильном решении.

- Надеюсь, этот идиот всё понял, - сквозь зубы процедил он и вышел из кабинета, надеясь встретить Нагатина внизу у центрального входа.

Мещерский быстро спустился по лестнице и оказался на первом этаже больницы, где находилось мужское общепсихиатрическое отделение. Забежав к заведующему отделения, он уже через несколько минут оказался в холле больницы, встречая Нагатина с ключами от небольшого зала групповой терапии, который оказался свободен.

Тем временем Лёничик вернулся в палату и подошёл к лежащему в кровати Замятину. Близко наклонившись к нему, он с ненавистью посмотрел на Владимира, который ещё не проснулся. За всей этой сценой с удивлением наблюдал Лазарь, сидевший на своей кровати и читавший Писание.

- Ты что Ирод задумал? – спросил Лазарь. – Не тронь его.

- Заткнись, не твоё дело юродивый, - негромко ответил Лёничик и сел на кровать к Лазарю. – Он тебе что-нибудь рассказывал про меня? Говори, сука, - Лёничик сильно ткнул кулаком Лазаря в грудь.

- Что, совесть замучила? – Лазарь ответил не сразу, кашляя и испытывая боль в груди.

- Что-о, - процедил сквозь зубы Лёничик, стараясь не разбудить Владимира, и поднял руку с растопыренными пальцами, – да я тебя удавлю сука.

- Покаяться тебе надо, - тихо сказал старик, - как же ты можешь так жить. Ведь невинные, чистые души на тебе, ангелы.

- Без тебя разберусь, придурок.

- Не ведаешь, что творишь. Смотри, стонешь уже по ночам. Какому Богу отмаливать себя будешь? У кого будешь прощения просить?

- Прощения, - выкатив глаза, шёпотом повторил Лёничик. - Слушай, архимандрит, ты мне лекций не читай. Говори, что рассказывал тебе Замятин?

- Ничего он мне не рассказывал. Уйди от меня, мне смрадом твоим уже дышать не вмоготу.

- Невмоготу, значит, а этот твой мученик что ли? – Лёничик указал пальцем на Владимира. – Порешил здорового мужичка ни за что и бабу свою чуть не грохнул. Этот значит хороший? Да?

- Не тронь его, тебе его греха не понять.

- Ах, не понять? – слова Лазаря привели Лёничка в ярость и он соскочил с кровати, бешено смотря на Лазаря. В это мгновение дверь в палату открылась и вошёл санитар.

- Приказ Алексея Павловича: Лёничка на уборку, Замятин подъём! – санитар пропустил уходящего из палаты Лёничка и подошёл ближе к Замятину. – Замятин, подъём я сказал.

- Что? – Владимир непонимающе открыл глаза.

- К Мещерскому быстро!

Владимир тяжело поднялся с кровати, чувствуя слабость во всём теле. Голова болела, кружилась и не отступала тошнота. Владимир с трудом оделся и пошёл вслед за санитаром на первый этаж в зал для групповой терапии.

Лёничка тем временем уже остервенело тёр тряпкой старый линолеум в коридоре отделения. Увидев Замятина и санитаря, ему вспомнились слова Мещерского о слабости Владимира и о его беспомощности в случае...

- Сука, вот бы тебя с лестницы спустить, чтобы ты башку свою разбил. Тогда точно концы двинешь. - Неожиданно проговорился Лёничка и оглянулся, словно боясь быть услышанным.

Проводив санитаря с Замятиным взглядом, Лёничка бросил тряпку в ведро и подойдя к грубой лестнице он посмотрел вниз, оценивая возможные последствия падения.

- Моли Бога волчара, - Лёничка вернулся к уборке, - лишь бы ты сука обратно без санитаря пошёл, лишь бы без санитаря...

Мещерский же встретил Нагатина в холле и пригласил проследовать за собой.

- Максим у нас в отделение карантин, поэтому вам с Замятиным придётся пообщаться здесь, - Мещерский открыл зал ключами и вошёл внутрь, пригласив следователя. Почти сразу за ними в помещение вошёл подоспевший санитар и посадил Владимира за стол. - Максим Дмитриевич у вас ровно час и прошу вас... - Мещерский сказал таким тоном, словно между Нагатиным и ним уже имелась обоюдная договорённость, – позвоните мне как закончите, я зайду за Владимиром.

- Спасибо, Алексей Павлович, - Максим закрыл дверь и снял куртку, после чего посмотрел на осунувшегося и небритого Владимира с серым лицом и рассеянным взглядом. - Владимир, здравствуйте! Я сегодня к вам в последний раз.

- Здравствуйте, Максим Дмитриевич, - тихо поздоровался Владимир.

- Не важно выглядите. Как вы себя чувствуете? – поинтересовался Нагатин.

- Давление никак не отпускает. Голова раскалывается. Целый день на уколах... лежу в палате.

- Владимир, я встречался с Анастасией, - Максим достал из портфеля папку с делом и бланк протокола допроса подозреваемого. Разложив аккуратно документы, он встал из-за стола и, задумавшись, подошёл к окну с решёткой.

- И что? – спросил Замятин.

- Ничего, - Максим решил не пересказывать Владимиру услышанное от Анастасии, тем более, что Мещерский просил не тревожить его. – Аморальная женщина ваша Анастасия Юсупова.

- Не понимаю? – удивился Замятин. – Что значит аморальная?

- Что тут непонятного? Аморальная, значит, безнравственная. Эта женщина своим поведением довела вас до совершения преступления и вы в состоянии аффекта, ничего не помня, совершили убийство Константина Авдеева.

- Что это значит?

- Это значит, что вы раскаиваетесь и полностью признаёте свою вину, - Максим не поворачивался, говорил уверенно и убедительно. – Вы заканчиваете игры с памятью...

- Но, я действительно... - Владимир перебил Нагатина, пытаясь оправдаться.

- Хватит, - резко сказал Нагатин и, вернувшись за стол, пронзительно посмотрел на обескураженного подследственного. – Я сказал, что ты заканчиваешь свои игры с памятью и дашь мне показания, свидетельствующие о том, что Константин был не единственным мужиком у Анастасии.

- Но ведь это не так.

- Это так, понял! – Нагатин сердился. - Придумывай что хочешь. Костик у неё был, ты был, Олежка, Витёк, похеру кто там ещё. Вспоминай любого мужика, которого видел когда-нибудь рядом с ней. Электрика, сантехника, соседа - без разницы.

- Не понимаю...

- Что ты всё не понимаешь!? Слушай меня. Сейчас составим протокол, где ты всё напишешь об убийстве, - Нагатин уловил на себе вопросительный взгляд Владимира, - я тебе всё продиктую. Сделаешь, как я скажу, пойдёшь по 107-й, понял? Осядешь где-нибудь в колонии поселении лет на пять и будешь грехи замаливать до конца дней.

- Но я ведь не помню ничего. – Владимир продолжал с удивлением смотреть на Нагатина. – Я же...

- Слушай Замятин, ты, что совсем тупой? - следователь прервал Владимира, - Тебе все колени надо будет в молитвах в кровь стереть, чтобы по 105-й не пойти. Ты понимаешь, что тебе червонец строго режима могут прописать? Как ты будешь на зоне сидеть. У тебя полпрожи нет и здоровье ни к чёрту, посмотри на себя. Давление подскочило, так ты уже почти неделю лежишь. Ты, что бык, что ли здоровый? Ты и года не протянешь.

- Правильно всё вы говорите, - Владимир опустил голову. - Зачем вы это делаете?

- Сейчас не об этом, - Нагатин не стал распространяться и протянул бланк протокола Замятину. - После того как напишешь, я тебе покажу показания свидетелей, протокол осмотра места преступления, прокол осмотра трупа, фотографии, в общем всё, что нужно, раз ты не помнишь нихрена. Но знай, что твоя «тема» с памятью в суде не прокатит. Тебя обвинитель размажет, да ты и сам знаешь, как судья расценит твоё поведение. Что я тебе менту всё объяснять должен? Никакая бумажка из дурдома тебя не спасёт, ни надейся.

Владимир ошеломлённо смотрел на Нагатина всё время, пока Максим говорил.

- Я буду писать обвинительное заключение по делу и ты не должен допустить ошибок и запомнить хотя бы те материалы, которые мне удалось собрать. Поправишься и проведём следственный эксперимент.

- Спасибо, - дрожащим голосом ответил Владимир и закрыл лицо руками.

- Потом отблагодаришь, - Максим замялся перед следующим вопросом, но всё же спросил. - Почему ты её не убил? Ты же с дежурки примчался её убивать.

- Я не помню, правда, не помню. Может потому что любил её сильно, не знаю... может испугался.

- Любил?

- Сейчас всё кажется совершенно другим. Мне, наверное, надо было с ней поговорить или как-то не знаю... - вздохнул Замятин. - Как-то надо было по-другому. Я понимаю, что многое сделал неправильно: убил человека и... вообще не нужно было начинать с ней встречаться.

- Она сказала, что просто хотела счастья с тобой.

- Счастья? Но разве мы не были счастливы, если были вместе несколько лет?

- Не были. У тебя с ней счастье в разных единицах измерялось, - Нагатин решил перевести тему разговора. - Ладно, сейчас не это главное. Что-нибудь осталось в голове?

- Всё обрывается, как только в дом к ней вхожу.

- Значит, не только баней у тебя воспоминания заканчиваются? – усмехнулся Нагатин.

- Есть ещё что-то несвязанное, какие-то обрывки, - Владимир волновался и нервно потирал руки. – Я примчался, заглянул в окно, а они... в общем, у меня и «снесло крышу» окончательно. Дашка то, наверное, у соседки была, ну я и...

- Примерно так и было, - подтвердил воспоминания Замятина Максим. - У тебя были ключи от дома. Поэтому ты вошёл почти без шума и...

- Да, ключи были... - Замятин замолчал и, обдумывая продолжение разговора, достал из кармана фотографию Анастасии. – Вот, мне больше не понадобится.

- Что так и не вспомнил? – спросил Нагатин, забирая фотографию Анастасии.

- Это уже неважно, чувств совсем нет... даже ненависти. Ничего нет... зачем я? - Владимир снова закрыл лицо руками и захныкал, беспомощно трясясь всем телом. – Зачем это всё случилось...

- Не знаю, - ответил Нагатин и отвёл взгляд, не желая смотреть за терзаниями жалкого, изуродованного Замятина. – Плата за любовь...

- Что? – словно не расслышав слов Нагатина, переспросил Замятин.

- Плата твоя за любовь, - Нагатин закончил беседу словами Лазаря. – Хватит убиваться, бери ручку и давай писать, а то времени нет...

В течение получаса протокол был готов. По мере его составления Нагатин рассказывал истинную картину происходившего, стараясь останавливаться на деталях. Владимиру было нелегко, но он искренне пытался запомнить рассказ следователя. Время встречи заканчивалось и Владимир пожаловался Нагатиному на невыносимую головную боль.

- Ладно, потерпи, - Нагатин позвонил Мещерскому и сообщил о завершении встречи, - сейчас придёт Мещерский, а ты держись.

Мещерский достаточно быстро спустился со второго этажа и вошёл в зал. Максим уже собрал документы и стараясь не смотреть на Владимира, одевал куртку.

- Так, ну что? – Мещерский вошёл без стука и выглядел возбуждённым. – Закончили?

- Да, спасибо, - ответил Нагатин и первым вышел из кабинета.

- Пойдёмте, - Мещерский закрыл кабинет и вместе с Владимиром и Нагатиным прошёл по коридору и остановился возле двери перед лестницей, ведущей на второй этаж, где находилось судебно-психиатрическое отделение. - Владимир вы поднимайтесь, я сейчас буду.

Мещерский захлопнул дверь небольшого тамбура и повернулся к Нагатиному.

- Надеюсь, он не сбежит, - Мещерский нервно улыбнулся. - Максим, я провожу вас, а то вы опять заблудитесь. Пойдёмте.

Нагатин вышел на улицу и вдохнул свежего воздуха после удушливого и спёртого воздуха больницы. С крыльца он заметил Лазаря, сидевшего на скамейке возле старых яблонь.

- Здравствуйте Лазарь, - улыбнувшись, сказал Максим.

- Доброго здоровья, - Лазарь выглядел озадаченным.

- Я Нагатин Максим Дмитриевич, следователь, - Нагатин ещё раз улыбнулся. – Вы меня помните? Мы несколько дней назад с вами разговаривали.

- Разве всех упомнишь, - безразлично ответил Лазарь и, достав небольшую книжицу, уткнулся в неё не обращая на Нагатина внимания.

Максим отошёл от старика, испытывая неловкость и направился к автомобилю в то время как в больнице начался настоящий переполох.

- А ну отойди, - Мещерский пихнул одного из санитаров и склонился над Владимиром. – Как это случилось!?

- Я не знаю Алексей Павлович. Я спускался по лестнице смотрю, а он лежит возле батареи, - оправдывался растерянный санитар. – Я его ещё когда к вам вёл, он на ногах еле стоял.
- Ты чего стоишь? Быстро за носилками, - Мещерский фыркнул на одного из санитаров и аккуратно дотронулся до сильной ссадины на лбу Замятина. – Он об батарею, что ли ударился!?
- Не знаю, - ответил санитар, разводя руками.
- Что ты вообще знаешь! - нарочито громко сказал Мещерский. – Что, никто не видел как он упал?
- Никто, я его первый нашёл и мы сразу вас позвали.
- Вот носилки! – запыхавшись сообщил, вернувшийся санитар.
- Аккуратно! Не трясите его! – негодовал Мещерский, - Давайте его в палату. Быстро!

Глава 8. Спаситель

Максим был воодушевлён поездкой в больницу и тем, что Замятин начал «давать» необходимые показания, которые он продиктовал ему. Навязчивая идея «спасения» Замятина и облегчения его участи за счёт фальсификации дела, наконец, начала своё воплощение. Расчёт Максима оказался правильным и был далёк от авантюры, так как он никогда себе не позволял себе вольностей в профессиональной деятельности. Впервые ознакомившись с материалами дела, Нагатин удивился тому, что Замятину в целом были даны положительные характеристики. Такая «непредусмотрительность» со стороны руководства и сотрудников ОВД могла быть допущена только в одном случае – никто из свидетелей и сослуживцев Замятина не мог предположить, что Владимир выживет. Действительно, впавший в кому Замятин, провёл в ней несколько месяцев и даже врачи не оставляли ему шансов. Останься Владимир жив, никто бы не дал таких показаний и скорее всего на него бы сразу «нарыли» материал, желая откреститься от такого сотрудника, что не позволило бы Нагатиному предпринять попытки «спасти» его. Однако, свидетели дела «просчитались» и теперь Максиму надо было придумать хоть что-то, что позволило бы ему оправдать Замятина. Он долго размышлял в поисках смягчающих обстоятельств, пока не пришёл к идее аморального поведения Анастасии.

Некоторое время он сомневался в своей правоте, но проанализировав положение полицейских чинов, которые стали заложниками своих слов, Максим мгновенно принял решение выставить Анастасию в безнравственном свете, что было выгодно всем.

«Они, точно не могли знать, что Замятин выживет, поэтому и сказали правду о нём. Скорее всего и врачи никаких надежд ему не оставляли. Несколько выстрелов в голову! Кто-бы мог подумать? - размышлял Нагатин, расхаживая по кабинету несколькими днями ранее. – Этим надо воспользоваться... Как им теперь отказаться от показаний? Они могут выйти на меня, но до сих пор этого не случилось. Менты просто так в следственный отдел не полезут. Скорее всего и в психушке Замятина признают невменяемым. Никто не думал, что дело пойдёт на доследование. Решили, что помрёт в коме и делу конец. Хм, неужели никто не стал лить грязь на Замятина из сожаления? Спасибо ребята. Вы даже не представляете, что вы для него сделали... теперь я «вытащу» его, а эта сука Юсупова у меня ещё помучается».

Нагатин всё обдумал прежде, чем решиться поехать к Владимиру в больницу и требовать от него «липовых» показаний. Последнее, что останется сделать это провести ещё одну неприятную встречу с Анастасией. От этой встречи он не ожидал ничего хорошего, учитывая тот унижительный допрос, который был им устроен на прошлой неделе. Максим уже понимал, что неминуемо столкнётся с адвокатом Юсуповой и всё сказанное Владимиром будет поставлено под сомнение, но... свидетельства Владимира и вновь появившиеся «мужчины» Анастасии будут неопровержимым доказательством его искреннего раскаяния и позволят судье иначе оценить мотивы преступления. Тем более, что «мужчины», действительно были и их настоящая роль в жизни Анастасии была неизвестна ни Максиму, ни Замятину, ни адвокату.

- Если она так быстро оказалась в постели с Константином, то почему бы она не могла оказаться в постели с другим мужчиной помимо Костика и Замятина? – рассуждал Нагатин, лёжа дома на диване и представляя себе её лицо, когда он повернёт всё дело против неё. – Возможно, так и было. Я же точно не знаю. Надо будет этих мужиков раскрутить.

Подойдя к пробковой доске, где висели газетные вырезки по делу Замятина, Максим написал их имена на листе и приколот его кнопкой.

- Ну, ребята, не повезло вам. – Злобно улыбнувшись, Максим отступил от листка, продолжая рассуждать вслух, представляя растерянные и озадаченные физиономии «свидетелей». - Дмитрий, в каких отношениях вы состояли с гражданкой Юсуповой? Что значит, не понимаете? Не помните кто такая? Странно, а Замятин вас помнит. Вот взгляните на фотографию, возможно, это вам поможет. Да что вы? - с наигранным удивлением произнёс Нагатин. - Видите, а говорили, что не помните. Значит, вы делали проект электрики в их новом доме? Интересно... и сколько раз вы виделись с Анастасией...четыре, пять? Больше... хм, часто, согласитесь. Кстати, у вас есть лицензия на проведение проектирования и проведения данного вида работ? Нет, а вы женаты... двое детей, замечательно. Сколько стоят ваши услуги? Что? Недорого... вы дали ей скидку, а почему? Вы же сказали, что она вам сразу не понравилась. Нелогично, правда? Кстати, вы зарегистрированы как индивидуальный предприниматель или... тогда как у вас дела с налогами? Затрудняетесь ответить? Ну, это вы судье расскажете. Да, вы не ошиблись, я всё заношу в протокол, что? Несколько слов без протокола... хорошо, я слушаю вас.

Максим уже представлял как «прижмёт» каждого из них к стенке и даже если ни у одного из них ничего с ней «не было», то судья вряд ли им поверит, поскольку сочтёт, что эти немолодые семейные люди лишь врут для сохранения своих семей.

- Всё складывается как по нотам, - размышлял Максим, - менты будут голосить своё и оправдывать Замятина, которого, возможно и не без участия ментов, признают невменяемым, а Анастасия... да хер с ней, пусть оправдывается как хочет. Чудно получается... хм, раб праведности, - ухмыльнулся Нагатин, вспомнив Лазаря и продолжил рассуждать, словно разговаривал с ним, – раб праведности... Какой нахрен праведности!? Что это вообще есть такое твоя праведность? Нет никакой праведности, старик, очнись! Дожил до седых волос, а так и не понял, что ни чёрта, ни Бога... нихера в этом мире нет. Нет никакой веры, судьбы, нет твоего идиотского права на любовь, да и самой любви тоже нет... херня это всё. Судьба, грех, искупление, страдание... чушь собачья! Да кто вообще может знать правду? Что, Юсупова была судьбой Замятина или Замятин был её судьбой. Моей судьбой была эта сука Зоя? Как представить, что кому то «там» было нужно, чтобы эта тварь появилась в моей жизни? Зачем? Чтобы я проклял её и хотел сейчас удавить! Чтобы я примчался плакаться к Богу, как ты говорил, чтобы я искал в нём любовь. Какая глупость, старик, какая глупость! Извини, но поверить в то, что кто-то свыше заставляет нас страдать, чтобы мы пришли к нему за счастьем... поверить в это может только сумасшедший, - Максим засмеялся, прохаживаясь по комнате и выпивая виски из бокала. – Полный бред. Через пару месяцев я вытащу Замятина, вопреки несуществующей судьбе и такому же пустому «божественному» вмешательству. К сожалению, ты не узнаешь и не поверишь, что всё окружающее любого человека это лишь другой человек, а не этот больничный маразм, который ты несёшь... Какие-то распутья, выбор, тьфу блядь... чушь! Смотри! – Максим подошёл к зеркалу, висящему на стене между кухней и коридором, и расстегнул ворот рубашки. Несколько секунд он смотрел на себя, а затем снял нательный крест и небрежно бросил его в верхний ящик тумбочки, стоявшей под зеркалом. - Надоело! Хватит!

Резко задвинув ящик, Нагатин замер напротив зеркала, вспомнив Зою и её «неожиданный» уход, который был заранее спланирован. Максим понимал, что она созванивалась с Михаилом и виделась с ним украдкой, в то время как он продолжал любить её и каждый день жить мыслями о ней. На память ему пришли несколько коротких служебных поездок во время которых Зоя могла близко общаться с Михаилом и быть с ним.

- Мразь, - выругался Максим, вновь погружаясь в сумерки своей оскорблённой души. - Сука убил бы...

Впервые Нагатин так холодно и осознанно подумал об убийстве Зои, и мысль эта была рождена не жаром ярости, как это случалось ранее. Максим прошёлся по комнате, искоса смотря на себя в зеркало, мельком замечая своё отражение, казавшееся ему чужим образом другого человека.

Спонтанное желание укрепилось в его сознании и показалось ему естественным и закономерным. Идея убийства Зои, словно прорвалась, наконец, через ворох пережитых душевных смут и стала очевидным венцом той ненависти, которая управляла Нагатиным. Он почувствовал странное, приободрившее его, превосходство над Зоей, словно в его руках была её жизнь и он мог распоряжаться ею... мог наказать или простить. В эту минуту Максим отстранился от всего, позволив себе самые страшные измышления.

- Тварь, я бы мог раздавить тебя в один миг. Прибить бы суку раз и навсегда, - Максим стиснул зубы. – Ты что же, думаешь, что вот так кинула меня и всё... думаешь, я прощу тебе это и буду просто обливаться соплями, пока ты будешь смеяться надо мной...

Максим почувствовал, что только смерть Зои смогла бы утолить его боль и позволить насытиться его ненависти. Он попытался отторгнуть своё желание, но ему захотелось дойти до предела этих мыслей не стараясь разубедить себя в правоте своего решения, совершенно не страшась вольнодумства на которое едва ли был способен несколько месяцев назад.

- Подожди тварь... с одной сукой разберусь и вернусь к тебе. Вот тогда ты и ответишь мне за всё. - Прошептал Максим. - Забавно будет, если я удавлю эту тварь, а дело об убийстве попадётся ко мне...

Утро четверга для Нагатина началось с телефонного звонка Мещерского, который в девять часов утра сообщил, что у Замятина случился инсульт. Мещерский был по обыкновению сдержан и самыми дежурными фразами поведал о состоянии Владимира.

- Максим, к сожалению, Замятин скорее всего умрёт в ближайшие дни. Так что... конец истории.

- Умрёт? - растерянно переспросил Нагатин никак не ожидая такого непредвиденного «переворота» дела. – Как же это случилось? Ведь мы только на днях виделись.

- Он упал с лестницы сразу после вашей встречи с ним, - Мещерский не собирался врать, поэтому рассказывал всё как есть.

- Упал с лестницы...

- Да, почувствовал себя плохо, закружилась голова... собственно, вы видели каким он был. При гематоме, кстати, это вполне возможно.

- Видел, но...

- Увы, при падении он ударился головой и случилось кровоизлияние. - Мещерский перебил Максима. – Максим, я не очень могу сейчас говорить... до свидания.

- Какая-то бессмысленность, я же ведь мог вытащить его. Что за... бред, - Максим завершил вызов и некоторое время осмысливал слова Мещерского, после чего схватил плащ и выбежал из кабинета.

К десяти часам утра он подъехал к въездным воротам клиники.

- Алексей Павлович, это я! – Нагатин позвонил Мещерскому, не выходя из машины и сбивчиво продолжил. - Я мимо тут проезжал и ... не мог бы я зайти?

- Максим, - удивлённо ответил Мещерский, – я же вам всё объяснил?

- Я хотел узнать про Замятина, – услышав вопрос, Нагатин почувствовал смущение, понимая, как глупо и нелепо выглядел его визит. Ему необходимо было «выкручиваться», чтобы не оказаться в глазах Мещерского полнейшим идиотом. – Помните, я вам рассказывал, что в пятницу я встречался... чёрт! Конечно, не

встречался, что я такое несу, извините... в пятницу я допрашивал Анастасию и у меня есть к нему срочный вопрос. Буквально один вопрос.

- Максим Дмитриевич, ваше поведение выглядит странным, - Мещерский словно смаковал нелепое положение Нагатина, – очень странным, поверьте мне.

- Хорошо, наверное, вы правы. Но если не сегодня, то когда я смогу его увидеть... переговоры?

- Максим, я думаю, что вы слишком увлеклись этим делом, – сказал Мещерский.

- Что вы имеете ввиду? - возмутился Нагатин. – Я веду расследование и имею право на...

- Хорошо, я устрою вам встречу с Замятиным. Подходите к центральному входу я вас буду там ждать, - Мещерский решил провести Нагатина в палату, полагая, что физическое состояние Замятина навсегда охладит пыл следователя и заставит забыть о клинике, что несомненно было ему на руку. Мещерский вышел из кабинета и уже через несколько минут оказался в обществе Нагатина. - Пойдёмте со мной.

- Что с ним? – спросил Нагатин, едва успевая за широкой, уверенной поступью Мещерского, который следуя по коридору больницы, пригласил с собой ещё двух санитаров.

- Сейчас увидите, - Мещерский подошёл к палате Замятина. – Только прошу вас помнить о том, что вы сами этого хотели, а я... я лишь врач и помогаю больным. Проходите.

Мещерский резко отворил дверь в палату и Нагатин тут же почувствовал стойкий запах испражнений. Стены палаты были выкрашены масляной краской в бледно-зелёный цвет, который переходил в старую, пепельную побелку потолка. В шестиместной палате с зарешёченным окном кроме Замятина находились ещё два пациента Лазарь и Лёнчик. Последние сидели на своих койках и молча наблюдали за происходящим. Нагатин и Мещерский подошли к Замятину.

Нагатин «остолбенел» увидев Замятина на кровати по всей длине которой с обеих сторон к спинкам были привязаны две необрезные доски, так что перед глазами у Максима возник образ гроба. Нагатин на мгновение отпрянул от кровати, сделав шаг назад и столкнувшись со стоящим позади санитаром.

- Чёрт! – сказал Нагатин и провел ладонью по лицу, пытаясь отвлечься от навязчивого образа.

Владимир неподвижно лежал на грязной простыне и, не открывая глаз, прерывисто и тяжело дышал. Его бледное, испещрённое шрамами лицо было абсолютно лишено жизни и стало похоже на настоящую восковую маску.

- Он в таком состоянии несколько дней, - невозмутимо держа руки в карманах халата, констатировал Мещерский и обратился к санитару. – Открой форточку, а то дышать здесь нечем! Что стоишь как истукан, сам не чувствуешь?

- Да он как в гробу у вас здесь лежит, - возмутился Нагатин, посмотрев на Мещерского.

- Не волнуйтесь, это специально доски привязаны для того чтобы он не упал с кровати. Мы его в таком состоянии даже в другое отделение не переводим, потому что... в целом, ему это может только навредить.

- Сколько же ему осталось? – Максим никак не мог собраться с мыслями. – Сколько он ещё проживёт?

- Думаю, день, может два от силы, - Мещерский откинул одеяло и, увидев пролежни на обнажённом теле Замятина, сурово посмотрел на санитаров. – Здесь сестра когда последний раз была?

- Не знаю, - протянул крупный, нескладный парень. – Наверное, была, когда-нибудь... вчера.

- Что значит когда-нибудь! Я вам устрою каникулы! – выругался Мещерский. – Сами будете ему дерьмо подтирать!

- Мы-то здесь причём, Алексей Павлович? – оправдывался санитар.

Нагатин уже не слышал разговора Мещерского с санитарями, а лишь смотрел на беспомощное, вздрагивающее тело ревнивого убийцы, изъеденное пролежнями. На память ему вновь пришли слова Лазаря о праве человека на любовь, которые теперь казались настолько бессмысленными, что Нагатина охватил страх. Следовательно с отвращением наблюдал за умирающим и заживо гниющим Владимиром, так и не заслужившим этого права, ровно также как и он сам.

- Что он чувствует сейчас? – неожиданно для Мещерского, спросил Максим.

- Медицине это неизвестно. После таких ударов люди уже не возвращались, что бы рассказать нам об этом, а в целом... - Мещерский накрыл Владимира одеялом, сложил руки за спиной и методично продолжил, – в общем, я думаю, что он уже ничего не чувствует. Левая часть тела у него полностью парализована. Вот, посмотрите на лицо. Мозг практически не функционирует, по-крайней мере, правое полушарие точно, и... и он просто умирает, как умрёт когда-нибудь каждый из нас. Что тут можно ещё сказать или придумать... страшная смерть.

Следовательно отступил от кровати Замятина и посмотрел на болезненно улыбающегося старика, который всё то время, пока они были в палате сидел тихо на кровати и аккуратно рвал на кусочки страницы из небольшой книжки. Старик засмеялся и смех его становился громче и раскатистей. Сгорбившись, он надрывно смеялся и трясся всем телом. Санитары, Мещерский, Нагатин и Лёнчик словно в оцепенении были прикованы к обезумевшему старику: внимая его нарастающему истерическому смеху и не говоря ни слова. Старик закашлялся и слёзы выступили на его глазах. Лихорадочно и безумно смеющийся Лазарь постепенно начал хныкать, всхлипывая и продолжая также трястись всем телом.

Нагатин посмотрел на грязное окно с решёткой, в открытой форточке которого, едва различимо синело «свободное» небо. Максиму захотелось вырваться из этой зловонной клетки и вдохнуть манящий осенний воздух. Как раз в это мгновение старик побелел, закатил глаза и повалился на пол как кукла, выронив книжку из рук. Падая, он ударился головой о стоящую возле кровати тумбочку и рассёк бровь. Из рассечения мгновенно хлынула кровь, несколько капель которой запачкали рукодельную обложку книги.

- Выйдите из палаты! – крикнул Мещерский Нагатину и бросился к старику, корчившемуся на полу в приступе эпилепсии. На помощь к доктору немедленно бросился санитар, случайно пихнув ногой книгу.

Нагатин отвернулся и совершил несколько шагов в сторону двери. Находясь с противоположной стороны кровати старика, он почувствовал, как наступил на что-то. Наклонившись, он поднял небольшую книжку из которой старик вырывал страницы. Он посмотрел на запачканную кровью бумажную обложку, сняв которую прочитал название «Новый завет». Следовательно ещё на мгновение задержал взгляд на обложке и, безразлично швырнув книгу на кровать старика, вышел из палаты. Дело Замятина было закончено...

Некоторое, неопределённое время Максим просидел на дерматиновой лавке в коридоре, прислонившись спиной к стене. Ожидая Мещерского, он на несколько минут закрыл глаза, отдаваясь от шумной суеты в палате. В душе его наступила тишина, а сознание наполнилось яркими образами последних дней, становясь бесцветными кадрами потерянного прошлого. Затея с Замятиным показалась ему настолько смешной и нелепой, что он улыбнулся, не открывая глаз.

- Как же всё глупо... бездарно, - подумал Максим и засмеялся в голос. – Бред, настоящий бред... какой же это бред...

- Максим, что с вами? - Мещерский встряхнул Максима за плечо, выйдя из палаты. – Вы себя нормально чувствуете?

- Мне надо идти у меня дела... да, у меня ещё полно дел, - растерянно сказал Максим, посмотрев на Мещерского.
- Пойдёмте, я вас провожу, - предложил врач.
- Не надо Алексей Павлович. Это уже лишнее. Прощайте.

Тяжёлый день окончательно опустошил и лишил Нагатина сил. Вернувшись домой только к вечеру, он привычно устроился в своём кресле, включил музыку и налил бокал виски. В этот раз он дошёл до последней композиции диска, которую старался никогда не слушать, не желая вспоминать похорон матери, где впервые услышал адажио Альбини. Небольшая пауза между треками и... музыка зазвучала.

Максим маленькими глотками пил виски, чувствуя чудовищную бессмысленность и безысходность своих поступков за последнее время. Пустое полуторамесячное противостояние судьбе в истории с Зоей, навязчивая идея «спасения» Замятина, «правда» жизни Анастасии, старик, Мещерский...

- Всё это придумано мной, - размышлял Нагатин, - всё это мои страсти, мои мечты и ожидания, всё это моя жизнь из которой только я сам не выпускаю себя... сам держу себя здесь, сам увяз. Я не могу с этим справиться, с этим бесконечным хаосом бытия, который существует вокруг меня. Я не могу эту жизнь преодолеть. Что я жду? Вернётся Зоя. Хм, а что я ей скажу, если она сейчас вдруг позвонит в дверь? Что? Я же не смогу простить ей ни единого слова, которое она отвергла. Да чёрт с ними со словами, как я смогу её обнять, если она находилась с другим мужчиной, зная как я страдал и как я ждал её... Только вчера я желал ей смерти... Хм, я уже забыл за что любил её и только знаю, за что ненавижу...»

Максиму захотелось отбросить эти мысли, выбраться из ямы этих низменных страстей и стать «простым» человеком. Вернуться назад и посвятить себя чему-то очень обыденному, скучному и пусть даже банальному. Стать похожим на Рябкова с его тривиальными истинами, которые позволяют ему беззаботно жить со своей Риткой. Забыть всё и начать заново, словно и не было ничего, но сделать это Максим был уже не в силах.

- Толя, привет, - Нагатин приглушил громкость музыки и позвонил соседу. – Прости меня Толь и... Толь зайди, если можешь.
- Сейчас зайду! – скупой ответил Рябков.

Нагатин открыл дверь, зная, что Анатолий войдёт без звонка и вернулся в комнату, выключив музыку.

- Макс, ты дома!? – громко спросил Рябков из прихожей.
- Толя, заходи я на кухне, - Максим вернулся в комнату с закуской. – Толя, слушай, прости меня за... ну ты понимаешь.
- Понимаю, - улыбнулся Рябков. – Ладно, прощаю.
- Выпей со мной, Толь, - устало попросил Нагатин. – Я сегодня с Замятиным, наконец, закончил. Знаешь, как гора с плеч.
- Поздравляю, – разливая виски по бокалам, ответил Рябков. – Чем кончилось?
- Умрёт он со дня на день, - Нагатин выпил бокал виски целиком, – а может уже и... забавно, что смерть подвела черту в этом деле.
- Да-а, - понимающе протянул Анатолий.
- Я, честно говоря, думал всё иначе сложится, но... видишь, правильно говорят: «Человек предполагает, а Бог располагает».
- Какие теперь планы? Поедешь к брату? – поинтересовался Анатолий.
- Может быть, я ещё не решил, - Нагатин хлопнул себя по коленям и протянул руку к бокалу. – Давай Толя выпьем, что ли за любовь, да за жизнь!
- Давай, - Рябков и Нагатин выпили. – За любовь я всегда, ты знаешь.
- Как там Риткина подруга поживает? – спросил Максим.
- Какая? - Рябков замешался. – Верка, что ли?

- Да, Верка, - ответил Нагатин и безразлично улыбнулся.
- Что ты! Верка, класс. Полновата немного, но кому как. По мне, так она настоящая конфетка, я знаешь, тощих баб вообще не признаю, - Рябков обрадовался тому, что Максим вспомнил про Веру. – У нас на следующей неделе юбилей. Мы уж с Риткой пятнадцать лет вместе. Да-а, стеклянная получается свадьба. Ритка смеётся, говорит, хрустальная. Хочешь, мы вас познакомим?
- Спасибо Толь, - Нагатин положил руку ему на плечо, – а то устал я один, понимаешь? Очень устал, а так хочется чего-то простого, без всяких вот этих вот историй...
- Да я не знаю, чего ты с этой Зойкой маялся? Не вернётся она к тебе уже никогда...
- Рябков заметил как уставший друг захмелел. – Никогда она не будет с тобой, никогда не встретишь ты её и не увидишь. Что теперь всю жизнь, что ли страдать?
- Прав ты Толя. Знаешь, я это только сегодня понял. Вот только несколько часов назад. Веришь? - Нагатин выпил виски. – Толя, а я ведь узнал, что значит имя Зоя. Помнишь, ты спрашивал?
- Помню, - ответил Рябков.
- Зоя по-гречески «жизнь», - Максим, обессилив засыпал в кресле и, откинув голову, закрыл глаза, разговаривая едва слышно. - Вот и получается Толя, что жизнь от меня ушла... и не вернётся она ко мне никогда... ладно, Толь, спасибо тебе за всё и... черкани этой Верки телефон... я ей обязательно позвоню... я тощих баб тоже не люблю.